

ОЛЕГ ДМИТРИЕВ

Воин Врач

ЧАСТЬ ВОСЬМАЯ

Олег Дмитриев
Воин-Врач VIII

«Автор»

2026

Дмитриев О.

Воин-Врач VIII / О. Дмитриев — «Автор», 2026

Старый хирург и великий князь продолжают жить вторую жизнь. Событий которой с лихвой хватило бы на несколько десятков. Но Врачи, как и Воины, умеют жить и умирать и за себя, и "за того парня".

© Дмитриев О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Встреча в Олешье	5
Глава 2. С места в карьер	10
Глава 3. Планы на воде	15
Глава 4. Новое слово в кулинарии	21
Глава 5. Морская прогулка и вести из дома	26
Глава 6. Волчья внешняя политика	31
Глава 7. Похерить Херсонес	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Олег Дмитриев

Воин-Врач VIII

Глава 1. Встреча в Олешье

Переход от Керчи-Корчева через Перекопский перешеек и дальше чистым полем до самого Днепра ничем особенным не запомнился. Кроме, пожалуй, того, что Рысь выдвинул оригинальную версию по поводу названия византийского города, возле которого мы так удачно отстрелялись и отбомбились. В его варианте Боги нарочно повелели назвать Корчев Корчевым, чтоб заранее предупредить подлых и вероломных ромеев о том, что корчить и корёжить их державу начнёт именно отсюда.

Восточные ветра, крепкие и лютые на льду, сохранили силу и на снежном покрове степи. Буераки «переобували» на кромке моря, чуть дальше от берега, где ближе была твёрдая вода, а не рыхлая. Дальше пришлось кое-где помогать саночкам вручную, выводя на степной участок. Проваливаясь выше колен в наметённый за зиму снег. В набиравшие скорость лодочки бойцы переваливались прямо на ходу через борта, осторожно, там, где они были сильнее укреплены распорками и рёбрами. И дальше уж мчали с полным комфортом.

Первая половина рейда, та, что до Казани, погодой не баловала. Вернее, ветром — вполне, а вот морозец при нём да на таких скоростях, особенно когда мчать приходилось по самой стремнине, а не под берегом, чаще всего лютовал. Я ещё переживал было, что ближе к морям влажность будет выше и холод начнёт чувствоваться гораздо сильнее. Но ошибся, каюсь. Некоторые особо морозоустойчивые и вовсе едва ли не нараспашку ехали. Хотя по пути до Дона и скорость была значительно меньше.

К Олешью подходили считай наощупь, впотьмах. Можно было и в устье одной из впадавших в Днепр речушек заночевать, лагерем встать, но нам со Всеславом почему-то снова казалось, что следовало спешить. И буераки скрипели полозьями в ночи.

— Янко, цветную, — велел Всеслав, заметив кивок Рыси.

Нам с князем тоже померещились, вроде бы, искорки огоньков вдалеке. Но Гнатова вердикта решили дожидаться для гарантии.

В заряде, правда, тоже уверенности не было никакой. Старый Абдулла уверял, что знает, что делает. Но по лицу его, обычно благообразному и чуть надменному, читалось обратное. Истории о том, как один из его далёких научных друзей по переписке из империи Сун под страхом смертной казни прислал ему зашифрованный тайнописью состав гремучего порошка, звучали сказочно и детективно. Но если всё и вправду было так — это делало профессору честь. Ну, или хотя бы подтверждало наши подозрения о его здравомыслии. Скажи он тому же балтавару про порох, не сидел бы в медресе, наверное. Под землёй бы жизнь закончил.

Деду поверили. Он убедительно что-то вещал про пыль разных металлов и камней, которая вспыхивает разными цветами. Да и не хотелось ни расстраивать заслуженного научного работника, ни обижать недоверием. Не дело с такого дружбу начинать, да тем более не промеж людьми, а между державами. Пусть мы даже и захватили их столицу силой и колдовством.

Абдулла был бы рад. Что там, рад — счастлив! А как смотрели, едва не плача, на ночное небо, что расцвело небывалыми красками под гроззовые раскаты, его ученики! Нет, определённо, лучше мы ещё ни в один населённый пункт на маршруте не заходили. Ярче — так уж наверняка.

На невероятной высоте грохнуло — и распустился огромный цветок, ослепительно яркий, бело-жёлтый в центре, и красно-синий по краям. Интересно, чего туда подсыпал профессор, марганцовки? Надо узнать, где раздобыл, нам такое тоже очень пригодится.

Вокруг, на береговой линии и ближе стали разгораться факелы. Неожиданно далеко отстоявшие от города. И слишком много.

— Сядь-ка, княже, — напряжённым голосом проговорил Рысь. Поднимая на мачте жёлтый треугольник «Внимание, сторожимся!» и наводя на него свет нашей глиняной фары-искателя.

Вар подтянул ручку стопора, и наши саночки замедлили ход. Их плавно обходили другие, занимая места вокруг на три-четыре корпуса. Прикрывая флагманский борт. В экипаже ближнего кольца я различил Титовых, что спокойно и деловито укладывали на борту тяжёлые самострелы.

Слева закричали сойки. Справа — дрозды. Сырчан в соседнем буераке крутил головой, как филин, сжимая саблю.

— Что, Гнат? — спросил Всеслав, стараясь говорить спокойно. Хотя тоже подмывало начать вертеть башкой на триста шестьдесят градусов, по-совиному.

— Пока не понял. Вроде, наши. Но больно много, и не на том месте, где условились, — воевода водил глазами по береговой линии, которая в темноте была неразличима. Но его жёлтым глазам это явно не мешало: дикий кот видел всё гораздо лучше других. Отблеск огня фонаря, отражавшийся в широких зрачках Рыси, напугал бы, наверное, любого.

Буераки выстроились по-новому. Распахнулись влево и вправо широкие крылья из трёх десятков саночек в два ряда, а в центре собрались остальные, формируя ядро или тело неведомой летучей громадины, что продолжала двигаться в сторону Олешья, но теперь со скоростью, чуть превышавшей пеший шаг.

Впереди раздалась снова крики дроздов. Их повторили правое и левое крылья. И тут раздался крик сокола. Прозвучавший явно вразрез с Гнатовыми ожиданиями. Судя по голосу, хищной птице было лет триста, и последние сто она прожила молча, поэтому крик вышел сродни хрипу. А судя по направлению, откуда он донёсся, сокол сидел на льду. Или подо льдом?

— Да ну нахрен? — крайне неожиданно отреагировал на сигнал Рысь. Удивив и экипаж штабного буерака, и, кажется, себя самогó.

В свете фар, нацеленных вперёд, различались какие-то не то ледяные торосы, не то корявые куски льдин, что нагнал к берегу ветер прежде, чем лёд встал крепкий, капитальный. Когда до этой гряды оставалось метров с полсотни, здоровенная глыба в центре этого природного явления, явно аномального, раскололась надвое. И изо льда поднялась громадная тёмная фигура со странно знакомыми очертаниями, выглядевшая на белом фоне неожиданно и тревожно.

— Бегом! — раздался от неё хриплый голос. Голос Ставра Черниговского, старого безногого убийцы. И его ручной медведь Гарасим потрусил к нам. А вокруг изо льда и из-под снега полезли, как черти из Преисподней, новые и новые фигуры. Со Всеславовым знаком на щитах.

Косматый древлянский великан осторожно пересадил старого нетопыря из нагрудного кóроба на креслице второго пилота, куда указал Гнат, помогая деду устроиться, и лишь после этого поздоровался за руку с каждым из экипажа. Молча.

— Вас пока дождёшься — задубеешь вконец, — прохрипел инвалид. Снег и ледяное крошево на его бороде и меховой накидке не таяли.

— Знали бы, что ждёшь — быстрее бы шли, — ответил великий князь. Глядя на него очень пристально. Увидеть Ставра здесь мы ожидали в предпоследнюю очередь. В последнюю — Дарёну с детьми. Верхом на огнедышащих драконах.

— Не надо быстрее, княже. По уму надо, по делу, — нравоучительно заявил он. И повёл зябко плечами, — Ну и холодина, собачья прямо, даром, что южная сторона!

— Гнат, дай дедушке фляжку, видишь — изнамекался он, — ровно, не сводя со старика глаз, велел Чародей.

Ёмкость и развёрнутая тряпица с ломтём хлеба и брусочками подкопчённого сала появилась в руках ветерана прежде, чем фраза была произнесена до конца. Кому другому бы на колени положил угощение воевода. Но у Ставра некуда было класть.

Старый убийца глотнул, занюхал хлебом, счастливо прижмурился, глотнул ещё раз и с видимым сожалением вернул фляжку воеводе. Пристальный взгляд Всеслава в ком другом давно дыру бы прожёл, но матёрый диверсант, воевавший ещё в дружине Ярослава, как-то держался.

— Не хотелось, конечно, с такого встречу-то начинать, да, знать, судьба такая, — вздохнул он тяжело, покосившись на великого князя.

— Не заставляй меня... гневаться... Ставр, — в паузы во Всеславовой речи можно было подставить очень разные слова. Но ни одного приличного на ум никому не шло.

— Ну, к делу, так к делу, — ещё горше вздохнул ночной кошмар. И приступил к докладу.

Когда-то очень давно, в Кабуле, один из советников, чьего звания никто не знал, но с которым даже генералы здоровались очень почтительно, подарил мне интересную присказку.

— Интеллигентный человек, дорогой доктор, отличается выдержкой. Даже когда ситуация располагает исключительно к матерной ругани, он либо промолчит, либо подберёт эпитет более щадящий. Он не станет бегать по коридору с воем: «Всему шанде-е-ец!». Он поправит пенсне и признаёт: «Господа, у нас ситуация».

Того советника я потом видел один-единственный раз. По телевизору, в девяносто третьем. Когда через два года после дрожащих рук и бровей Янаева, после «Лебединого озера», показывали Белый дом, уже не совсем белый. Тогда-то и мазнула вскользь камера оператора по одному из людей в камуфляже. Я узнал его. И по лицу интеллигентного человека понял, что время щадящих эпитетов прошло.

Мы со Всеславом слушали хрипевшего деда, понимая очень остро: у нас ситуация. И от того, чтобы превратиться в шандец, её отделяли считанные дни.

Про делегацию сельджуков прознали ромеи и папские церковники. Первые трижды пытались уничтожить посольство по пути на Русь. Погибли две группы тюрков и персов, работавшие по отвлекающему варианту. Вторые кинулись договариваться с Генрихом и фризами, справедливо полагая, что после уничтожения Византии дикие русы и ещё более дикие сельджуки пойдут дальше. Поэтому их нужно срочно остановить, и сделать это лучше всего тогда, когда Русь увязнет в войне с ромеями.

Персидские посланники были встречены и чудом отбиты у нападавших Байгаровыми и нашими пограничниками. Потери были и у нас. Из важного Ставр выделил два основных момента. Возглавлял посольство Малик-шах Абуль-Фатх Джалал ад-Дин Мелик-шах ибн Алп-Арслан. Старший сын и наследник Смелого Льва. А после того, как по нападавшим отработали стрелки зарядами громовика, среди трофеев и дымившейся бойни на снегу Байгаровы добыли три пары железных клыков. Тех самых лихозубовых брекетов.

— Где моя жена и дети, Ставр?

Скажи кто-то нам со Всеславом раньше, что мы увидим когда-нибудь старого нетопыря испуганным — не поверили бы ни за что на свете. Сейчас же смотрели на деда, что явно ожидал смерти. Но боялся не её, виденной слишком близко не единожды. Он боялся того, что принятое им и Ставкой решение оказалось неверным.

Тоскливо вздохнул Гарасим, явно прощаясь со скандальным, но уже ставшим родным пассажиром. Клацнули клыки Рыси, у которого друг вопрос снял прямо с языка.

Голос, каким был задан вопрос, не оставлял сомнений: смерть стояла не за спиной, не витала где-то рядом. Она смотрела прямо в глаза. В самую душу заглядывала. И её пустые провалы глазниц сейчас скрывались вот за этими, серо-зелёными, с ярким жёлтым солнечным ободком вокруг зрачка.

Безногий смотрел в них. Мы смотрели на него. И прямо физически чувствовали его напряжение и боль.

— На Аркону напали. Тишком, малым числом, тайно. Яробой зарубил лихозуба на дворе у Крута. Сам погиб.

— Что?!

На этот раз голосов было больше. Кроме Всеслава и меня от вскрика не удержались Рысь, Янко и даже Вар.

— Они отбились. Волхвы как-то подсобили, там, говорят, тоже чего-то горело и грохало у них. Совет Семерых затворился в белых скалах. Крут подхватился и рванул к нам. С дороги, с Юрьева-Русского, северянам вести подал, чтоб сторожились-береглись. Полоцк, как они пришли, закрыл ворота, как при осаде.

Шерсть под шапкой и одеждой поднималась дыбом и, кажется, начинала искрить, как бывает, когда впотьмах снимаешь один за другим шерстяные свитера с термобелья. Когда потом проскакивают между пальцами и железом яркие синие искры, чего ни коснись. Всеслав глубоко вздохнул, разведя плечи, в надежде, что холодный воздух остудит голову. Но ткнулся правым плечом в жёсткую броню Вара, что стоял спина к спине. Металлический звук, с каким соприкоснулись кольчуги, напомнил щелчок затвора. В том, чтобы слышать такие за спиной, не было ни удовольствия, ни успокоения.

— Роман с Глебом остановили производства. Всех мастеров с семьями под охраной привезли за городские стены. Торговый народец на высылки, за Полóту пришлось переселить, — продолжал рубить по живому безногий. — Добро хоть, горожане, люд Полоцкий, к сердцу близко беду приняли. Руян-гостей да мастеров всех разобрали по домам. Наладились обходить улицы по ночам с фонарями, со стражей городской спелись. Троих чертей с клеймами на пятках, кто отказался в порту да на воротах сапоги снимать, сами раздели-разули. Сами и страже сдали. Ну, что осталось там...

Да, вольный Полоцк, как дед и отец учили Всеслава, был мирным и терпеливым до поры. Когда угроза касалась родных, пропадало всё долготерпение. Разные люди на Руси жили, кто поспокойнее, кто наоборот шумный, бестолковый даже, вроде бы. Но случись беда — плечом к плечу становились и ломали хребты кому угодно, от княжьих дружин до степных орд, северных ватаг и западных полчищ. Что в этом времени, что в любом другом.

— Дома ладно всё, княже. Матушке-княгине и сынам урона нет. Почитай, на всей Руси нынче нет места спокойнее, чем Полоцк, — ветеран был твёрдо уверен в том, о чём говорил. Но, присмотревшись к Чародею, аж седую голову в плечи вжал, словно удара или раската громового ожидая.

Великий князь держал руки, заложив большие пальцы за богатый пояс. Потому что был твёрдо уверен, что первому, попавшемуся под руку, поднесёт так, что потом будет стыдно, но

бесполезно. Ноздри плясали. Верхняя губа ползла вверх, кривясь в хищном волчьем оскале. Вид был у Всеслава не просто тревожный. Чародей был страшен.

— А тебя каким ветром сюда занесло, друг старинный, Ставр Черниговский?

Спокойный голос князя заставил вздрогнуть каждого. Безногий убийца опасливо приоткрыл один глаз, цепко вглядываясь в собеседника. И, видимо, понял, кому обязан спасением.

Мне удалось редким чудом словно плечом отодвинуть Всеслава себе за спину, шагнув вперёд. Почти убедив себя в том, что это *не моя* жена и *не мои* дети оставались чёрт знает где в осаждённом городе, в окружении недобитых тварей, так ловко подгадавших момент для нападения. Получалось, откровенно говоря, слабо. Но явно лучше, чем у княжьей души, что бесновалась позади, рыча, топая ногами и вопя непотребства.

— С Иваном и Буриваем так решили, Вра... врать не стану, сам я вызвался, — еле-еле выкрутился Ставр, только что по губам себе не шлёпнув. — Крутовы дело знают, старшим у него вместо Яробоя-покойника Мирослав теперь. Я деда и отца его знавал, справные вои были, толковые. Он в ту же породу пошёл. Энгель твой такой городьбы на стенах наворотил — издали не сразу и признать Полоцка. Но врагам строим ни с берега, ни с воды не подойти. Там ладно всё, честь по чести, княже.

Последняя фраза прозвучала едва ли не с мольбой, дескать, поверь, что правду говорю, небылиц не сочиняю! Старый убийца был не из тех, кто плохо знал великого князя и рискнул бы шутить с ним такими вещами. Но легче от этого не становилось.

— Про Олешье говори, — Всеслав будто по плечу меня похлопал, давая понять, что прямо сейчас никого убивать-казнить не станет. И я «отшагнул назад».

— Улей, а не город, — едва не вздрогнул снова старик. Отметивший не по возрасту, а по должности и профессии острыми глазами «обратный переход». — Народу, вроде, не так много, как дома, а снуют во все стороны днём и ночью мурашами, поди уследи толком... Но Байгар и его ребятки дело знают, дворец и округу держат как надо!

— Кто во дворце? — говорить развёрнутыми фразами Чародей от греха подальше не спешил.

— Шарукан вчерась прибыл, под вечер уж. Спешил, коней едва не погробил. Алеська-то твой едва не в драку с ними полез за небрежение скотиной, — инвалид позволил правому усу чуть дрогнуть, обозначив улыбку и проверяя, не рано ли. Решил, что не рано, но развивать шуток не стал. — Малик-Шах третий день гостит. От болгар и Югославии трое, важные, ты знаешь всех. С ними трое от венециан прибыли. Один из них — тот самый Никола, с кем давеча в Полоцке сговаривались. Остальные, мыслю, нам с Гнатом будут эти... как его, чёрта? Забыл слово-то твоё, — едва ли не жалобно прохрипел дед.

— Коллеги, — помог Всеслав, думая вовсе не о лексике и словарном запасе старого нетопыря. Оригинально выходило. Неожиданно. Если ещё окажется...

— Николу того из дому-то больше народу сопровождало. Первый раз ещё чуть ли не на причале убить хотели, потом дважды морем налетали, — добавил Ставр. Ну, вот и вышло так, как и предполагал великий князь.

— Самый быстрый ко дворцу путь. Гнат, на дюжину отряд дели. Три десятка буераков с нашими вместе — прямо под стену, дальше бегом. Половина пусть кружит вдоль берега, светит фонарями во все стороны, пока знак не пришлём, что добрались ладно. Вторая половина из оставшихся — окружить город тихо. Любого без нашего знака — под лёд. Дорого время, ох, как дорого, давно так дорого не было. Но, глядишь, и успеем ещё, — Всеслав смотрел на восток.

До зари было ещё далеко.

Глава 2. С места в карьер

Рысь запросил малость времени, получил его и выскочил по-звериному из саночек. На ходу стрекоча белкой и размахивая обеими руками. Каждая ладонь его подавала *разные* знаки.

Десятники слетелись к нему бегом, будто только того и дожидались. Последним подскрипел по снегу Гарасим, принявший на грудь привычную ношу. Которая тут же начала хрипло командовать, перемежая понятные слова ещё более понятными.

— Готовы, княже, — отрапортовал воевода. Глядя не на Всеслава, а на то, как подлетал к своим саночкам последний из десятников, тот, кому бежать было дольше всех.

— Впер-р-рэд! — команда Чародея была отдана каким угодно голосом, кроме человеческого. Этот отрезок путешествия весь целиком должен был оказаться за пределами людских сил. И он начался.

Ахнул в штабном буере Ставр, едва не выпав из креслица, когда саночки без впряжённой в них тройки резвых лошадей рванули вперёд быстрее, чем если бы их тянула шестёрка фризских жеребцов.

Рысь, дождавшийся приближения борта, стоявший пригнувшись, прищурившись и напряжинившись перед прыжком, как... ну да, опять как рысь, влетел к нам одним неуловимым движением и разместился полулёжа под парусом, тут же потянув из крепления самострел.

Гарасим ехал в лодочке рядом. Для этого оттуда пришлось высадить двух Титовых, чтобы не нарушить развесовки. Они перешли в охрану Кондратовых мастеров и нашей мобильной рембазы. Глазам древлянского медведя позавидовал бы самый большой и самый старый филин.

Огни загорались у причалов и главных ворот густо, нарядно, торжественно. Но наш отряд с затушенными «фарами» летел в другую сторону. Встать на сходни на виду всего города, в кольце костров и факелов, было бы, конечно, красиво, впечатляюще и героически. Получить в это время стрелу в грудь или в глаз было бы не просто ожидаемо, а, пожалуй, неизбежно. Но этот вариант развития событий в планы наши не входил.

Каменная стена с распахнутыми у её подножья створками люка появилась неожиданно. Туда сходу нырнули Титовы и сам Рысь. Видимо, безногий успел как-то поведать о маршруте — Гнат и его парни действовали без секундных задержек, так, будто именно тут, в чужом городе, у незнакомого, впервые виденного подземелья тренировались несколько недель кряду. Мы с Варом бежали следом, слыша скрип великанских сапог Гарасима за спиной. И едва скрылись в казематах, как позади защёлкали тетивы самострелов.

На воздух выскочили в каком-то закутке торговой или базарной площади, заваленном всяким барахлом. Дома, в Полоцке, такие стёжки-дорожки тайные тоже водились. И, если прикинуть, то за вторым поворотом направо должен был показаться неприметный лючок в стене лабаза. А за ним — коридор до самого терема. Ну, то есть до дворца. Здесь строили местные зодчие, и больше из камня, чем из дерева.

Лючок нашёлся за третьим поворотом. И налево. Но это было не важно.

Важно было то, что вокруг творился ад.

Нетопыри неслись теньями, их не было видно ни во тьме подземелий, ни при свете факелов. Которые испуганно жались к стенам, пропуская сгустки мрака, мчавшиеся мимо.

Краем глаза удавалось выхватывать по пути картинки.

Группа наших и степняков прижала и добивала каких-то нарядных в углу. Искры летели из-под клинков, скрежетало железо. Нетопыри были не из тех, поединок с кем длился долго,

с паузами и сменой позиций и тактик. Эти налетали и убивали. Чаще. Иногда умирали сами. Значит, эта мясорубка началась вот только что, пока мы неслись мимо.

Дымный хвост сорвался с Янова самострела куда-то вверх. Там бухнуло и оттуда прилетела чья-то рука с дымившимся в ней обломком лука. Степняцкого.

Рысь кричал сойкой, ухал филином, стрекотал белкой. Одновременно с этим отмахиваясь мечом от стрел, которых я не видел. И стреляя в ответ, на бегу, не сбивая ни шага, ни крика, сразу же передавая «пустой» самострел бежавшим рядом своим. Принимая другой, заряженный.

Что-то мелькнуло внизу. И бежавший рядом боец Титова десятка рухнул, как подрубленный, ещё на лету вытягиваясь в струну. Я видел его глаза. Ещё живые на мёртвом уже лице. Я слышал, как скрипнули зубы Гната, сквозь которые он со свистом втянул воздух, будто стрела секнула не кого-то другого, а именно его. Всеслав издал точно такой же звук. Они оба одинаково болели за своих воев, и душой, и телом.

Крики, лязг мечей и редкие взрывы оставались позади. Там, где продолжали убивать друг друга люди. Живые и, кажется, даже мёртвые.

— Сюда, сюда, брат!

Воевода дёрнул за локоть великого князя, поворачивая на голос. Байгара мы узнали, даже не видя. Перед нами оказался коридор из степных и наших стрелков, что стояли кто в полный рост, кто на колене, и выцеливали крыши и окна вокруг. Между из спин мы пронеслись вихрем и влетели на невысокое крылечко. Чтобы осесть вдоль стен, когда тяжёлые створки дверей захлопнулись за одноглазым степным начальником разведки, вбежавшим последним.

— Девять? — глухо спросил Всеслав, как только сердце стало чуть меньше колотиться под горлом и в ушах.

— Дюжина. Это кого я своими глазами видел. Будет больше, — тем же голосом отозвался Рысь. Он раз за разом распрямлял пальцы правой руки, сильно, аж назад их выгибая, морщась. Светло, видимо.

— Семье каждого — по дому в Полоцке. Сыновей — к Кузьке, пусть учит, — князь говорил, будто бы для памяти. Хотя точно знал, что и без произнесения вслух клятву эту не забудет никогда. И никогда не оставит родню тех, кто ценой своих жизней сберёг его.

— Отдай мне Архимага, княже. Я его буду рубить мелко, и ему же самому скармливать. Он у меня свои же руки, ноги, уши, нос по семь раз съест, по кругу, — Всеслав редко видел друга злым *настолько*. Но у него на глазах и людей его *так* расстреливали впервые.

— В очередь встань. За мной будешь, — проговорил Чародей. И от звука наших с ним резонировавших голосов вздрогнули даже те, кто сдержался, услышав Рысьин шипящий рык. — А тризна будет богатая, братья. Мир никогда такой богатой тризны не видел, как та, которую мы справим по павшим нашим. И, чую, молиться он будет на всех языках о том, чтоб никто и никогда больше не вынуждал нас так праздновать.

И от этого зловещего пророчества в потёмках, среди замеревших выживших, через стенку от продолжавшей плясать снаружи смерти, шерсть на загривке поднялась, кажется, даже у меня.

В большой и богатый зал сперва ввалился Гарасим с нахохлившимся, как мокрый сыч, Ставром на груди. Следом за ними — Рысь, злой, как бешеная собака. И только потом мы со Всеславом. Спокойные, как смерть.

— Здравствуй, брат! Как добрались — не буду спрашивать, наверное, — встал из-за стола Шарукан и пошёл навстречу.

— Верно, брат Хару, не надо. Вы, думаю, коней вчера едва ли не до смерти загнали тоже не просто так, — отозвался великий князь, обнимая крепко великого хана.

— Страх смерти ни к лицу воинам. Но Великий Тенгри не даст мне соврать: она редко подбиралась настолько близко, — согласился он.

— Мне тоже очень это не понравилось. И я не хочу повторять. И почти уверен, что не придётся, — в голосе Чародея повеяло угрозой. — Но не будем нарушать приличий, брат. Ты прибыл раньше меня, будь гостеприимным хозяином. Знакомь с гостями.

И Всеслав пошёл к свободному креслу с высокой резной спинкой, стоявшему в центре стола с противоположной стороны, рядом с тем, с которого поднялся встречать его хан.

— Всё никак не могу привыкнуть к вашей русской широкой душе, — усмехнулся за его спиной Шарукан. — В какой город ни приедь — везде тебе рады, везде как друга и дорогого гостя встречают, как дома себя чувствуешь.

— На том стоим, друже, на том стоим. Для того и нужны союзники, чтоб у них в гостях себя как дома чувствовать. Расскажу попозже, как мне Свен два города аж подарил от щедрот, — улыбнулся и великий князь, оглядывая заинтересованные лица за столом.

Мы знали почти каждого. И старого Абу, что вошёл-таки в состав высокого посольства от сельджуков. И Михайло Воиславлевича с Петром Крешимиром, крёстными отцами и соправителями Югославии. С ними повезло примерно так же, как с наместниками Тьмутаракани: они оба прекрасно понимали важность, сложность и ответственность оставленных задач, расположения своих земель и своих ролей во Всеславовом плане-стратегии. План тот был рассказан автором вслух, объяснён и практически разжёван, князь русов предупредил, что играть втёмную не любит и не будет. И не обманул. Не обманули и эти двое, работая честно и самоотверженно. Знали мы и Георгия Войтеха с земель болгарских, с которых уже ушли ромеи, как и обещал Всеслав.

Не знали за столом только одного. Высокого и стройного парнишку лет пятнадцати-шестнадцати с красивыми тёмными глазами и чёрными густыми волосами. В богатой и непривычной одежде. Первенца Алп-Арсланова, Малик-Шаха. Но это обстоятельство вот-вот должно было исправиться.

— Я рад видеть в добром здравии своего друга и брата, великого князя Полоцкого и Всея Руси, Всеслава Брячиславича, — начал Шарукан торжественно. — Он, как и каждый из нас, прибыл сюда, рискуя жизнью и теряя верных воинов и друзей. Думаю, это может быть знаком того, что у нас есть по меньшей мере один общий враг. А вернее всего не один. Но Боги не позволили нам умереть по пути сюда. Возможно, то, что мы можем сделать сообща, зачем-то нужно Им. Я, Шарукан, известный также как Степной Волк, верю в это. Но к просьбе моего брата...

Он говорил неторопливо, следя за тем, чтобы Абу успевал переводить, а сын султана — выслушивать его фразы, сохраняя не свойственное возрасту мудрое спокойствие.

— Прodelав долгое и полное опасностей путешествие, добрался в Олешье на берегах Русского моря первый сын и законный наследник самого Зийа ад-Дин ва Адуд ад-Даула ва Тадж ал-Милла Абу Шуджа Мухаммада Алп-Арслана ибн Дауда, сын Смелого Льва, молодой воин Малик-шах Абуль-Фатх Джалал ад-Дин Мелик-шах ибн Алп-Арслан.

Да, с этим этикетом и протоколом мы так до утра будем только здороваться. Судя по лицу Рыси, он подумал то же самое.

Парень величественно кивнул хану, благодаря за преставление. И заговорил неожиданно твёрдым, взрослым голосом. Я и не представлял, что на певучем фарси можно говорить твёрдо, но у этого как-то выходило.

— Сын и наследник моего повелителя, сиятельного султана, благодарит уважаемого Шарукана за возможность познакомиться с могущественным повелителем земель запада и севера, Всеславом. И просит, если это не нарушит правил и обычаев хозяев, отказаться от дол-

гих величаний. Малик-Шах говорит, что согласен с тем, что у нас вероятно появился общий враг. Он был удивлён тем, что кто-то в мирных землях народа Степи решил напасть на караван Смелого Льва, отмеченный знаками самого султана. Но истории каждого из собравшихся здесь говорят нам о том, что враг меняет личины, трусливо скрываясь под чужими одеждами.

Абу переводил так же размеренно и весомо, как вещал парень, явно привыкший и к тому, чтобы его слушали внимательно, и к тому, чтобы сперва думать, а лишь потом — говорить.

— Я рад знакомству с тобой, уважаемый Малик-Шах, — начал Всеслав. По-русски, решив резонно, что своим весьма относительным знанием и произношением удивлять султанского сына не было никакого смысла. Наверняка того готовили и к этой встрече, и к этому разговору, и вряд ли забыли упомянуть про Чародеевы успехи в фарси.

— Я глубоко признателен и тебе за проделанный путь, и твоему многоуважаемому отцу за то, что это посольство возглавил его наследник. Это знак высокого доверия и уважения, редчайший для первых переговоров двух стран. И, я полагаю, султан принял это решение не только в качестве вежливого ответа на скромные дружеские дары Руси.

Синхронно улыбнулись и парень, и старый перс, тонко и вполне довольно. Третьяк за те скромные дары едва всю плешь Всеславу не проел, приводя в пример то, сколько русских людей можно было бы одеть, обути и накормить на вырученные деньги. Причём "сколько" он мерил в годах, а людей — сразу деревнями, не мелочась. Но выручил, как ни странно, Глебка. Признав правоту отца в том, что первое впечатление нельзя произвести во второй раз. И если первый подарок покажется излишне сдержанным, не сказать скупым, то со вторым уже нету смысла и соваться. Поэтому посланцы от сельджуков и улыбались так. Первый привет Руси можно было считать каким угодно, но точно не скупым. Ошеломительным, баснословным, невероятным, неприличным и вопиюще непристойным — сколько угодно.

— Твой дружеский подарок, о Всеслав, великий султан оценил по достоинству, — перевёл Абу. — Вы, как оказалось, во многом схожи с ним. Он тоже не любит пышных и дорогих одежд, не кичится богатством и не говорит лишнего тогда, когда в этом нет прямой нужды. При этом будучи одним из величайших и богатейших людей в Едомого мира. И он тоже ничего не жалеет для друзей.

Уж не знаю, кто писал речь для мальчишки, но в шахматы с таким я бы не сел играть. Тем более в карты. В пяти предложениях можно было прочесть и благожелательность, и готовность к сближению интересов, и угрозу. Это смотря как читать. Никогда не любил и не понимал всех этих политических и дипломатических танцев с бубнами, когда каждое слово, любой малозначительный жест, да что там — цвет галстука или носков, расположение приборов и посуды на столе — всё это могло что-то да означать. Хорошо, что великий князь во всей этой словесной кутерьме разобрался значительно лучше.

— Мне лестно слышать слова твоего многоуважаемого отца, Малик-Шах, — великий князь приложил руку к груди и чуть поклонился, — и приятно знать, что со знаком внимания и уважения я не прогадал. Но, как, полагаю, поведал уважаемый Абу Мухаммед ибн Джабир ар-Рави, — очередной, менее акцентированный поклон, как и полагалось по здешней табели о рангах, достался старому персу, — то, что пришло в ваши земли вместе с ним и моим посланием и в самом деле лишь милая мелочь. Да, на неё можно было бы, наверное, купить какую-нибудь другую милую мелочь, вроде Баварии или пары ромейских фемов-провинций.

Сын султана согласно прикрыл глаза. Явив резкий контраст с венецианцами и югославами, которые только сейчас начинали догадываться о размерах русского подарочка, и то очень примерно.

— Но, как говорят мудрые, глупо покупать то, что можно получить бесплатно. Никто не продаёт снег или солнечный свет — люди терпеливо дожидаются, когда Боги пошлют им желаемое.

— Наш уважаемый посланник, тот, кто привёз от тебя первые вести, говорил, что и с Богами у тебя какие-то особенные, свои отношения, не те, что приняты в прочих странах, — перевёл Абу слова Малик-Шаха.

— Я с уважением отношусь к обычаям других стран, даже если не понимаю их. Кроме одного-единственного случая. Если эти обычаи вредят или могут навредить моим людям и землям. Которыми, как ты знаешь, я считаю всё и всех в границах нашего союза, — спокойно ответил Чародей, глядя в чёрные глаза юноши. — На Руси заведено так: ты можешь молиться Христу, Тенгри, Перуну, Аллаху, Тору, Яхве или любому пню в лесу. Ты можешь класть им требы, устраивать праздники и песнопения. Никто ни слова не скажет и не осудит. До той поры, пока ты не станешь уверять, что твой пень в лесу главный. Уверять горячо, как тот, у кого Боги отняли разум. И угрожать остальным тем, что твой пень покарает их за непокорность. Мы договорились о том, что Боги сами разберутся промеж собой, кто из них старше и сильнее, приди им такая блажь на ум. Наше дело не в том, чтобы спорить, убивая друг друга, об этом. И, я рискну предположить, Им по сердцу то, что делается на Руси. По крайней мере пока.

Сын султана слушал очень внимательно. Пару раз даже просил перса пояснить какие-то фразы, видимо. И над столом повисла пауза.

— Малик-Шах согласен с тем, что твой подход интересен, хоть и резко отличается от принятого на его Родине. И в большинстве других стран. Но он не считает, что это может послужить поводом для споров между Русью и Сельджукским султанатом, — голос перса стал звонче и как-то напряжённее. Видимо, мы приближались к главному.

— Это греет моё сердце, — вновь кивнул Всеслав. Но так, что даже затаившим дыхание делегатам с юго-восточной Европы стало понятно: плевать он хотел на то, что думают абсолютно все о том, что происходило и делалось на его землях его волей. Лишь бы не мешали.

— Я предлагаю сделать небольшую передышку, Малик-Шах, — повёл рукой над столом великий князь. — Беседа, я убеждён, ещё успеет насладить нас мудростью и пониманием. Почему бы нам не отведать здешних кушаний и напитков? Случилось так, что за всей этой суетой и круговертью я совершенно забыл о еде, а моя вера учит о том, что это большая ошибка.

— Что же говорит на этот счёт твоя вера? — и парень, и переводчик смотрели на нас с одинаковым интересом.

— Ничего нового, — развёл руками Чародей. — Она говорит, что тот, кто не ест — умирает с голоду. Было бы довольно обидно так бесславно и глупо помереть при таком богатом выборе врагов и возможностей сделать это более героически и интересней.

Глава 3. Планы на воде

— Когда уважаемый Абу, один из множества моих учителей, говорил о том, что на Руси готовят и едят невероятной вкусноты блюда, я, каюсь, не верил. Абу большой знаток кухонь разных народов, он может часами говорить о том или ином способе приготовления еды, — едва ли не смущенно переводил перс слова Малик-Шаха.

— О да, мы говорили с ним об этом, — согласился Всеслав. Когда уже перешли к десертам. До этого беседа сошла на нет по причине объективной невозможности. Нечем было беседовать, заняты были рты у собеседников.

— Новая страна для меня. Очень много здесь непонятного. Но это интересно, и, думаю, многие вещи и явления могут быть приняты у меня дома.

— Непонятное — не всегда страшное или опасное, ты совершенно прав. Так наши древние предки подняли и приручили огонь, упавший с неба, подаренный им Богами. Так научились одомашнивать скот, охотиться и выращивать злаки и плоды на полях и в садах. Как говорят наши мудрецы, живое от мёртвого отличает развитие. То, что мертво, не может расти, расцветать, менять форму, обретать новые свойства, принаравливаясь к течению реки жизни, — с видом сытого и довольного хозяина заметил Всеслав.

— Ты говоришь как тот, кто перечитал все книги в библиотеке султана, — вежливо поклонились посланники Сельджуков.

— Или как тот, что имеет глаза не только для того, чтобы встречный ветер забивал их песком и прошлогодней травой, — вежливым поклоном поблагодарил за комплимент великий князь. — Я не делаю тайны из многих, очень многих знаний, мой друг. Я буду рад поделиться ими с новыми друзьями и добрыми соседями. Но начать предлагаю с соседей злых. Карту!

Я думал, что Гарасим или Вар, к примеру, принесут ту самую шкуру с пометками, или другую, похожую на неё. Но вместо этого Шарукан повёл рукой. Один из воинов, стоявших статуями вдоль стен, потянул за золотой шнурок, и картина "Александрова падь" на стене напротив нас собралась в гармошку, съезжая вправо. Под ней обнаружилось требуемое. Не выдать удивления удалось еле-еле.

Карта была вполне под стать нашим "стенгазетам". Но те висели на площадях, там такой масштаб, в смысле — размах, был уместен. Тут же изрядно озадачивал. Но изображение было вполне достоверным и очень подробным. И кроме наших и союзных городов, на нём были отмечены и не наши. Чародей сузил глаза и улыбнулся нехорошо. Рядом с точно такой же хищной улыбкой-оскалом на карту смотрел Рысь.

— Я, друзья мои, по пути сюда от бывшей столицы Волжской Булгарии, а ныне русского города, Великой Казани, много размышлял. Шутка ли — седмицу с лишним в пути, — медленно начал Всеслав. Отметив с удовольствием, как отразились на лицах гостей удивление и опаска. И как они проследили одинаково внимательно по большой карте путь от устья Камы до устья Днепра. Путь, проделать который меньше, чем за полтора-два месяца было невозможно.

— Многие, многие мысли посещали меня, пока неслись по-надо льдом рек и снегом полей русских мои воины, — закреплял успех великий князь. — Но к выводам, надеюсь, верным, прийти удалось лишь здесь, в Олешье. Глядя на жаркую встречу, что приготовили мне враги в моём городе. Поведайте, други, про те пути и препятствия на них, что выпали каждому из вас.

Атакам неведомых злодеев подверглись все. И все потеряли друзей и верных хороших воинов. И разговоры об этом раздули в сердцах правителей разных держав и краёв совершенно одинаковое пламя ненависти. То, на котором и собирался приготовить новое блюдо Чародей.

Последним о нападении на караван рассказывал Малик-Шах. Абу переводил, кивая, иногда добавляя несколько слов от себя, предупреждая об этом отдельно Всеслава и с неизменным поклоном объясняя задержку сыну султана. Его ремарки были не менее, а то и более ценными, чем слова Львёнка. Так для краткости мы с князем именовали про себя первенца Смелого Льва Персии.

Дед-спецпосланник правильно понял задумку, по какой один из Ждановых витязей по знаку воеводы наносил прямо на карту пометки. Где, какими силами совершались нападения, и сколько полных дней минуло с тех пор. Картина выходила препаскудная, конечно.

После персов отчитались по очереди Байгар и Ставр. Первый говорил в основном о пойманных и в подавляющем большинстве случаев уничтоженных малых отрядах, что стягивались по их степным землям сюда. Второй хрипло поведал о ситуации у союзников, выступив в роли древней службы внешней разведки. Картина стала ещё хуже, хотя, казалось бы, дальше было уже некуда.

Мы находились сейчас в центре паутины. Узловыми точками на карте были те самые места нападения на делегации и захвата или уничтожения малых групп противника. Не надо было обладать сверхспособностями аналитиков спецслужб для того, чтобы проследить за цифрами-датами отмеченных событий и понять: петля сжималась. Специалисты же, что Ставр с Гнатом, что Байгар с Абу, что те двое их венецианских коллег смотрели на экран со сложными выражениями на лицах. Стараясь удержать невозмутимые маски на них. Безуспешно. Возмущение, как и то пламя ярости, начинали достигать требуемого градуса. Можно было приступить к готовке.

— Глядя с невозможной для обычного человека высоты, всё видится по-другому, други мои, — Всеславов голос после паузы подействовал, как разряд тока. Взрослые и не очень, разных степеней знатности, могущества и мастерства мужчины дёрнулись одинаково. — С высоты горного хребта не различимы конские яблоки и коровьи лепёшки, что досаждают путникам внизу. Зато видны оползни и обвалы, что разрушили дорогу впереди и позади. Видны чёрные тучи, что тянет злой ветер с юга, суля непогоду.

Лица слушавших каменели. Они, обладавшие такими разными знаниями, мудростью и опытом, ощутили разом одинаковый груз. Груз ответственности того, кто всегда обязан смотреть на карту с недостижимой другим высоты, кто должен прокладывать путь для своих людей так, чтобы избегать обвалов и бурь. Или быть к ним готовым. Тот груз, который постоянно нёс Чародей.

— Оползень можно скрыть, — заговорил спецпосланник, переводя явно обдуманное и взвешенное слово Малик-Шаха. — Обрыв — обогнуть. Размытую дорогу насыпать сызнова. Но как быть с тучами, что тянет ветер?

— Ни для кого здесь не секрет — случилось, что моим и союзным дружинам помогали Боги, — весомо, уверенно ответил великий князь.

По лицам собеседников теперь было понятно, что многие сейчас вспоминали то, что видели своими глазами. Сырчан — огромные кляксы на льду Итиля, щедро сдобренные останками врагов Ак Бус-кама, Белого Волка-шамана. Югославы и болгарин — извивавшегося в перетянувшей синюю голень петле грека-священника, свисавшего со стены тогда ещё Диррахия. И дымившиеся ямы на месте конного войска. Взрывы и пожары в портах и на складах вспоминали торговые и не очень гости из Венеции. Очень многое приходило на ум и стояло перед взорами у Ставра и Гната, чьи лица стали внезапно очень похожими. Будто сам Перун

смотрел их глазами и слушал их ушами. Но говорил справедливый Бог воинов сейчас устами Чародея, выглядевшего, надо полагать, так же.

— Наши тучи пойдут навстречу вражьи. Русское небо, союзные небеса нашьют на них наш, северный ветер. От которого многим, очень многим станет зябко. Смертельно холодно. Но сперва — дьявольски жарко.

И обещанный-напророченный колдуном-оборотнем холодок пробежал, кажется, по многим спинам в зале. Молодые, постарше и совсем старые чуяли его одинаково хорошо. И одинаково были уверены в том, что Чародей русов не пугал. И не шутил.

— Я рассчитывал встретиться с тобой, о Всеслав, позже. Получив новости от уважаемого Шарукана о том, что ты собрался осаждать тридцатитысячный Булгар, я опасался задержаться на твоих гостеприимных землях до весны, — переводил Абу слова Львёнка. — Я слышан о твоём отношении ко лжи и никоим образом не ставлю под сомнения твои слова. Но мне и, думаю, нашим друзьям за этим столом будет полезно знать немного больше. Разреши, я задам несколько вопросов? Ты ответишь лишь на те, на какие считаешь нужным, ответы на которые не принесут вреда твоим замыслам.

Определённо, толковый парень. И хитрый, как лис, притом. Вроде как и красиво всё сказал, и вежливо, но то, что всей информацией великий князь делиться ни с кем и не думал, тоже подчеркнул. Тонко работают на востоке. С Олафом, Малкольмом и Свеном было проще. С Хагеном — тем более.

— Спрашивай, мой дорогой друг, — Всеслав кивнул и сделал приглашающий жест правой ладонью. Ни тоном, ни мимикой не выдав напряжения.

— Сколько воинов было с тобой в походе на Булгар? — глазам и тону спецпосланника позавидовал бы сам Мюллер.

— В поход вышло две сотни парусных саней, что у нас зовут буёрами. Или буераками, — покосился князь на воеводу, враз принявшего вид индифферентный. — Боевые несут двух воинов-возниц и двух стрелков. На части ехали припасы: еда, питьё, снаряжение и то, что потребно для починки в долгой дороге. Всего нас было семь полных сотен и четыре десятка. И я прошу, друг мой, если не сложно, называть город новым именем. В Булгаре правил подлец, трус и клятвопреступник. В Казани, я очень на это надеюсь, таких станет гораздо меньше.

Малик-Шах дождался завершения перевода, кивнул согласно и продолжил.

— Я знаю несколько известных примеров, когда завоёванные, взятые на меч и копьё города меняли имена, оставляя позади память о прошлом. Это мудро. Но иногда история велит убить каждого десятого, чтобы новой памяти было проще укрепиться в оставшихся в живых.

— Да, древние мудрые латиняне применяли этот способ. Кажется, он зовётся у них децимацией? — кивнул Всеслав. — Наши предки, добрая и вечная им память, поступали проще. Они заселяли пустую землю новыми людьми, своих племён и народов. Когда на той начинала вновь прорастать трава.

И опять было понятно каждому, что великий князь не шутил и не пугал. А просто констатировал факты богатой истории Руси до прихода греков с новым Богом. Той, о которой осталось до обидного мало памяти в моём прошлом будущем.

— Сколько дней длился бой на Итиле под Казанью? — этот вопрос Львёнок обдумывал дольше.

— Нисколько. Боя не было. Мы подошли, дождались, пока почти четыре тысячи булгар выстроятся так, как нам было нужно. Послушали их визгливую ругань. Убили главного крамольника, что вопил громче всех, и балтавара с его псами. Остальные решили, что воевать с нами выходит как-то скучно. Для них. И встали под мою руку, — объяснил Всеслав. Сырчан кивал энергично, попутно шепча что-то на ухо отцу. И рисуя на столешнице пальцем что-то, похожее на пятно странной формы. Будто бы там муху прихлопнули. Или верблюда.

— Сколько полных дней занял путь сюда? Это последний вопрос, о Всеслав, — спросил Абу. И развёл руками, будто прося прощения, чувствуя, что начинает испытывать терпение хозяина.

— Девять. Сюда от Казани мы шли медленнее, чем до неё. Не знали, что встреча здесь будет настолько жаркой. Так бы на денёк-другой быстрее прибыли, — ответил великий князь. И усмехнулись они с воеводой снова совершенно одинаково, по-волчьи.

— Эти санки-буераки при хорошем ветре набирают невероятную скорость, Малик-Шах. По льду ход их не сравнить с лучшими скакунами мира. Разве что с падением сокола или беркута на добычу из-за облаков. Они не едят, не пьют, не гадят, не спят и не болеют. Их не надо выхаживать после долгой скачки. Они очень дёроги в изготовлении, да. Но стоят каждой потраченной на них кúны, не то, что гривны. Одна беда — по земле не ходят. Но мы, дай срок, обучим их и этому, — пояснил Всеслав.

Признав, как говорили в мои годы, перед мировым сообществом, что у нас есть, с помощью чего показать ему, сообществу, Кузькину мать. Неоднократно.

На этот раз сын султана молчал дольше, пристально глядя на карту, сев к ней вполоборота. Не то соотносил расстояние от Казани до Олешья и прикидывал возможные маршруты по рекам. Или, что вероятнее, рассчитывал время, что может занять у Всеславова волчьего воинства бросок к границам его Родины. Которую оберегало, кажется, только отсутствие снега и льда, по которому неведомые «саночки», как выяснилось, развивали невероятную скорость. Но их вот-вот научит кататься и по степным землям этот странный и опасный человек. Хотя всё то, что удалось о нём разузнать султановым слугам, учёным мудрецам и воинам, вызывало определённые сомнения в человеческой сути властителя земли Рус.

— Мне давали советы и напутствия лучшие люди моей Родины, о Всеслав, — начал с поклоном Абу, стоило только Малик-Шаху заговорить. — Но лучший, пожалуй, из них дал отец. «Мне будет жаль, если Вечному Пламени не будет угодно сохранить тебе жизнь в дороге, сын. Мне будет жаль, если вы не найдёте с соседом понимания, и он убьёт тебя. Но более всего мне будет, если ты вернёшься и скажешь мне: «Отец, я мог бы лучше». В первом случае я приму волю Высших. Во втором — отомщу за твою гибель. И лишь в третьем ни ты, ни я сделать уже ничего не сможем».

Хорошо сказано. Ёмко. Этот Смелый Лев явно крепкий орешек. Но, кажется, не подлый, во-первых. А во-вторых, довольно рисковый. Пожалуй, споёмся. Ни единой песни на фарси не знаю, но ради такого повода разучу, пожалуй.

— В наших землях знают Джанн аль-Хайят, джиннов, слуг Иблиса, что умеют оборачиваться змеями, чей яд страшен, и ни один из великих лекарей не исцелит ужаленного ими. Просто не успеет.

Абу говорил медленно. И, судя по тому, как дёрнулась еле уловимо его белоснежная борода, эти фразы Львёнка означали что-то особое. Если вообще были в изначально утверждённом плане.

— Вера моих предков, хранимая тысячелетиями, говорит о Заххаке. Его ещё знают под именем Ажи-Дахака. Когда-то он был великим правителем и воином. Но отец зла Ариман прельстил его высшей властью, и человек не устоял. Он стал драконом, летучим змеем, цмоком по-вашему. Отрастил ещё две змеиных головы на длинных чёрных шеях и каждый день пожирает юношей. Змеи выедали им мозг.

Оригинальная сказка у огнепоклонников. Философская, даже чересчур, я бы сказал. Не выдержавший искушения властью выедаёт мозги окружающим, превращая их в злобных недоумков. Или мертвецов. Символичным и тревожно знакомым почудился мне этот образ. И чуйка снова не подвела.

— Сейчас, как говорят тайные стражи отца, Ажи-Дахака называют Архимагом. И он очень зол от того, что самое большое его гнездо разорил воин, которому власть не затуманила голову, — глаза старого спецпосланника стали больше, но переводил он так же складно. Но как-то автоматически. Как... ну да, как искусственная девка-диктор у Лёши-соседа из-за забора.

— Если ты позволишь, о Всеслав, я передам твоему храброму воеводе записи о том, когда и где видели Джанн Аль-Хайят на землях отца. Абу переведёт их, или любой из знающих наше письмо. И я готов отметить на дивном и удобном рисунке те места, где по донесениям той стражи бывал сам Ажи-Дахака за последние полгода.

Рысь, кажется, держал Ставра под столом за поддоспешник двумя руками. Иначе безногий уже полз бы по столу к Малик-Шаху, вытягивая скрюченные когтями тёмные узловатые пальцы в жажде обещанных записок. Хотя сам Гнат выглядел ничуть не менее, так скажем, крайне предметно заинтересованным беседой.

— Это щедрое предложение, друг мой. У меня будет лишь два вопроса к тебе, против твоих трёх. Если разрешишь мне задать их, — Гнат вытаращился на друга так, как давно не бывало. Признавая, видимо, что в части выдержки и самообладания Всеслав по-прежнему был впереди него, всё так же, как в их раннем детстве. Тогда, когда бившегося в чужих руках или верёвках сироту выгораживал и освобождал, спасал ровными, скучными словами мальчишка с серо-зелёными глазами, возрастом чуть младше даже него самого. Который никогда не терял головы.

— Почту за честь ответить на любые твои вопросы, дорогой друг Всеслав, — голос Абу заставил чуть шагнуть ближе Вара. А Ставр едва гавкать не начал, далёкий от политесов несказанно. Ему сунул под старые рёбра кулаком не сдержавшийся Гнат. Подавая знак Вару, резко дёрнул головой сам великий князь. И верный воин отшагнул обратно. Не поменяв положения обеих рук. И я, и Всеслав знали, что из такого он мог швырнуть ножи так, что в "переднем секторе" живых не останется.

— Мы оба понимаем, Малик-Шах, что от наших слов и решений сейчас зависят не только наши жизни. И я повторю снова: я признателен твоему великому отцу, я счастлив тому, что он прислал тебя. И, Боги не дадут соврать, преклоняюсь перед учившими тебя. Но прежде них — перед тобой самим. Я в твои годы вряд ли смог быть настолько выдержанным и мудрым, — великий князь говорил с большими паузами. Любой промах в этой беседе мог оказаться непоправимым.

— Мой первый вопрос таков: какова будет моя плата за то, что ты посулил мне?

Гнат и Ставр висели друг на друге, и сложно было понять, кто из них кого и от чего удерживал.

— Как добрый гость, как друг, прибывший с миром в первый раз, и с надеждой на то, что этот раз не окажется последним, я, Малик-Шах, сын повелителя Сельджукского султаната, словом и волей моего отца клянусь: сведения, переданные мной Всеславу Русскому или его доверенным людям, будут отданы мной без ожидания чего бы то ни было взамен, добровольно, без принуждения, хитрости или угрозы с обеих сторон, передающей и принимающей.

Абу говорил почти как тот толмач из Горького над пятном на месте Алмуша и верблюда. Потому что наверняка тоже чувствовал: смерть стояла близко. И не только его и его ученика.

— Мой второй вопрос таков: не будет ли тебе беды от того, что ты передашь мне сейчас это знание?

От перевода, в ходе которого спецпосланник то и дело возвращался взглядом к великому князю, чёрные миндалевидные глаза Львёнка становились круглее. Пока не повторили контуры вскинутых в изумлении чёрных бровей.

— Странная земля, странные нравы, — Абу говорил, как глухонемой, вообще без эмоций, — Значит ли твой вопрос, султан Руси, то, что если я признаю сейчас явную или мнимую угрозу мне за мои же слова, то ты не станешь спрашивать?

— Именно так, Малик-Шах. Ты годами схож с моим вторым сыном, Глебом. Ты похож на него хваткой и тем, что не упускаешь мелочей. Мой сосед и *возможный* друг и союзник Алп-Арслан прислал ко мне своего первенца. Его едва не убили Джанн аль-Хайят на пути сюда. Он узнал многих и многое, сказанное и не сказанное, как свойственно людям мудрым. Я не хочу, чтобы от в сердцах сказанного слова, от обещания, данного опрометчиво, от случайной *возможной* ошибки случилась беда. Я не враг тебе, Львёнок.

Последнее слово вырвалось случайно. Единственное из всех в этой фразе. Но сработало, кажется, именно оно.

— Меня зовёт так мать. И иногда... очень редко... отец, — старого Абу, кажется, разбило ещё хуже, чем от той столовой ложки спирта, вспыхнувшей на княжьей ладони при нашей первой встрече. А он и тогда едва в бревенчатую стену не вышел, далеко от двери. Сейчас же на лице старого огнепоклонника явно бились ужас, недоверие... и благодарность. Видимо, сын султана входил в число его любимых учеников.

— Я повторю при всех здесь, Малик-Шах, и прослежу лично. Всё, о чём говорят на таких советах друзья, остаётся между ними. Любой, каждый из тех, кто надумает отойти от меня, сам собой переходит из друзей во враги. А они, как многие уже знают, быстро заканчиваются, — размеренно произнёс Чародей, поочерёдно обводя взглядом всех за столом. Видя во встречных взглядах радость, торжество, веру.

— Я отвечаю на твой второй вопрос, Всеслав. За сказанное мною, не грозит мне беда или ущерб, обида или порицание от первых и наипервейших людей моей Родины, — перевёл-таки Абу, сбившись трижды. Все-таки, Львёнок, наверное, чуть превысил кредит папиного доверия. Озвученный старому шпиону заранее. Но, судя по чёрным глазам и лицу Глебова ровесника, он точно знал, что делал. И торговаться умел не хуже второго сына Всеславова.

Глава 4. Новое слово в кулинарии

— Добро, — кивнул Всеслав. — Гнат, позволяю принять от уважаемого Малик-Шаха всё, что вручит он или его люди, и изучить со всем тщанием. Новое нанести на рисунок, что перед нами на стене, — голос Чародеев гудел колоколом Софии. Низко, не "Новгородским языком" Софии Полоцкой, а главным колоколом Киевской. Перекреститься захотелось даже мне.

— А теперь, други мои, подумаем о главном, о важном именно сейчас. Непойманных тайных бесов ловить мне не с руки, Архимага, падлу лютую, змея хитрого, нужно выслеживать, тропить и загонять долго и с умом. Это не медведь-шатун, что выйдет к нам сам. Он, думаю, больше похож на старого волка-одиночку, что неслышно ступает по зелёному мху позади ловчих-охотников. Глядя им в спины и оставаясь с подветренной стороны.

На лицах заседателей было согласие и единодушие. И образ врага, крадущегося сзади, выжидающего удобного момента для нападения, был вполне узнаваемым.

— Поэтому эту охоту мы будем готовить без спешки и суеты. А вот отомстить за смерть, за подлое убийство моих и ваших воинов, я хочу безотлагательно. Нападение на меня и моих гостей у меня же дома я не потерплю. И не прощу, — угроза в голосе Чародея была неприкрытой. — Гнат, Ставр, что известно обо всех нападениях?

Вернувшийся к столу воевода, что передал полученные от персов записи одному из ТИтовых, который тут же вышел в сопровождении Гарасима, переглянулся с безногим и начал сам:

— Отряды заходили на Русь и в земли Шарукана от ромеев, княже. Байгару пришли донесения от дальних стойбищ. Мы знаем пути продвижения врагов, кроме тех, кто на гостей венецианских нападали. Дозволь, укажу на карте?

Князь кивнул, и Рысь легко поднялся. Выудил из-за пазухи привычный уже нашим, но продолжавший удивлять и восхищать прочих, карандаш, на этот раз красный. В изготовлении цветных грифелей принимал деятельное участие тот недожаренный католиками фриз, и палитра становилась всё богаче. На ровной скатерти Великой Степи и юга Руси стали появляться пунктирные линии.

— Среди тех, кто мог говорить, были те, кто проходил обучение в Деултуме, "Городе легионов", как зовут его греки. Там их военные склады, там чеканят монеты для выплаты войскам, там живут те, кто перестал служить Царьграду, выйдя из возраста. Они, вроде наставника Кузьмы нашего, учат там молодых воинов, — воевода говорил коротко и по делу. Ставр кивал, подтверждая сказанное.

— Готовить нападения начали по осени. Дальние отряды засылали в степные земли кораблями из Одессоса, вот отсюда, вот так, — на карте появились новые пометки. — Для разведки наших городов рядились в торгашей, выходили из Херсонеса, вот отсюда.

Сомнений в том, что греки были очень плотно связаны с нападениями, не было. В том, кто играл первую скрипку, они или лихозубы, стопроцентной уверенности не было. Но она и не требовалась.

— Очень хорошо, — проговорил Всеслав. Но по лицу его читалось абсолютно обратное. Глаза перемещались между тремя точками, отмеченными Гнатом, и иногда опускались чуть ниже, на Царьград. Но снова возвращались обратно.

— Сколько вам нужно времени, чтобы очистить Олешье?

— Завтра к закату лишних не будет в городе, — прохрипел Ставр. А Рысь кивнул согласно. Подходя к столу, но не садясь. По его напряжённой фигуре было ясно, что воевода был готов по первому слову великого князя сорваться выполнять приказ. Любой.

— Ладно. Проверить саночки, подготовиться к выходу послезавтра утром. Завтра всем отдыхать. Будет жарко, — Всеслав продолжал переводить взгляд с города на город.

— Где? — не выдержав, нарушил тишину Ставр. А Гнат снова кивнул.

— Везде, други. Везде. Но жарче всего, полагаю, в Одессосе. Говорят, там ромеи хранят свой "греческий огонь"? А он, как ты, Гнатка, сказывал, очень ловко с громовиком работает, — задумчиво ответил Чародей. — Три дня на дорогу и разведку Деултума. Два — Одессоса. В Херсонес так нагреем, без долгих приготовлений. В Корчеве получилось, выйдет и там. Дальняя цель на тебе, Ставр. Собери пока всё, что знаешь, здесь. Чтобы на месте времени не терять. Вторая, Гнат, твоя. Я уверен, ты сможешь сам придумать так, как и не снилось ни мне, ни Роману Диогену. А вот после того, как выгорит дело, вся Византия будет бояться ко сну отходить. Чтоб на мокром не просыпаться.

— А Херсонес? — уточнил Рысь.

— А туда я сам наведаюсь. И, если не будет других дел у моего друга Малик-Шаха, пригласил бы его с собой. Прокатиться на буераках да глянуть на город, откуда всякая сволочь надумала грозить моим и его людям, — улыбка на лице Всеслава заставила вздрогнуть Абу, переводившего слова великого князя. А вот на лице Львёнка расцвела вдруг очень похожая.

Когда принесли листы с переведёнными на русский записями Малик-Шаха, как раз закончили обсуждать предварительные наброски-прикидки по плану. Со сведениями, имевшимися у Абу и сына султана, изрядно прибавившему в деталях и красках. Мы со Всеславом, как и Ставр с Байгаром, в силу специфики службы не знали особенностей застройки и архитектуры византийских городов. Им и нам этого не требовалось. Пока. Рассказы спецпосланника напоминали чем-то программу "Клуб кинопутешественников". Мы с восхищением слушали про Триумфальную колонну императора Константина Седьмого, воздвигнутую в честь порабощения болгар. Про зимнюю стоянку греческого флота, где собиралось до пяти десятков дромонов, здешних крейсеров. Про дворец наместника-стратига в Херсонесе и древнюю базилику, в которой крестили почти сто лет тому назад князя Владимира. Про бани-термы императора Анастасия Первого, в которых принимали омовения и прочие спа-процедуры перед военными походами все его последователи. Про древнее святилище-акрополь Аполлона, в котором теперь был храм нового Бога, где принимали присягу воины империи и где хранились лабарумы, военные знамёна. Абу говорил великолепно. Картины неведомых городов возникали перед глазами, как в телевизоре, а их схемы и расположения достопримечательностей появлялись на чертежах. Их старый перс бережно и осторожно выводил на бумаге подаренным карандашом.

Почитали и данные от султановой разведки, дававшие понять что нетопырям, что одноглазому Байгару, уровень подготовки их заморских коллег. Вполне достойный, надо признать. Полагаю, по каким-то своим приметам эти трое могли понять гораздо больше, чем мы с великим князем, от специфики работы средневековых спецслужб находившиеся значительно дальше. Ставр только что не обнюхивал листы, сличая копии с оригиналами, хотя, как сам признавался, персидской вязи не разбирал. Но, судя по его сиявшей физиономии, полученные данные были и впрямь бесценными.

— Зная о свойствах того, что в здешних землях зовут «громовиком», я полагаю, в указанных городах станет по-настоящему жарко, не дожидаясь летнего зноя, — перевёл Абу слова Малик-Шаха, глядя на Всеслава вопросительно.

— Я в этом полностью уверен, дорогой друг, — согласился Чародей. — Жарко станет не только там, куда мы наведаемся. От этих пожаров вспыхнет трон под задницей императора. Сидеть на горячем станет очень неудобно. А мы, как и было задумано, сможем приготовить на

этом огне одно из таких блюд, что наверняка удивит и уважаемого Абу, известного ценителя и знатока.

— Следующей целью станет Константинополь? — выдохнул спецпосланник, повторив не только слова, но и интонацию сына султана.

— Нет, Львёнок. Из тех возможных рецептов, о которых я говорил при первой нашей встрече твоему учителю, я отобрал всё самое лучшее: специи, ингредиенты, способы приготовления. Но по пути в этот зал, совсем недавно, мне пришёл на ум финальный штрих, заключительный. Но мы обсудим его с тобой завтра, с глазу на глаз. Не из-за недоверия к нашим друзьям. Просто потому, что я уверен в том, что дела Руси и Сельджуков не стоит обсуждать прилюдно до той поры, пока они не станут очевидными, значимыми. Пока же мы лишь в самом начале пути. Не станем искушать Богов обсуждением грядущего, не будем лезть в Их дела, — великий князь говорил спокойно и доброжелательно. И предельно искренне.

— Я восхищён твоей мудростью, султан Руси. И твоими познаниями в искусстве приготовления блюд, вкушать которые доводится очень малому числу избранных. Уверен, мой отец не откажется от твоего угощения. Как и от щедрого приглашения войти в круг твоих друзей.

— Но почему не Константинополь?

Разговор на следующий день шёл уже в другом формате. Мы обсудили всё необходимое с югославами и болгаринном, получив известия с южных границ из первых рук и уст. Известия частью хорошие, а частью — ожидаемые, поэтому плохими тоже их назвать было нельзя. Старинная латинская поговорка "предупреждён — значит вооружён" работала. Договорились с Николо Контарини и его специалистами о продолжении блокады Византии и том, как именно им попасть теперь домой, живыми и здоровыми. Брат великого дожа Светлейшей Республики, кажется, выдохнул с невероятным облегчением, узнав, что к нападениям на него не приложил руку князь русов. Гнат же, при том разговоре присутствовавший, воспринял это, как личное оскорбление.

— Совсе из ума выжили торгоши! Чего ни попадя городят! Когда такое было, чтоб те, супротив кого мы! МЫ! злоумышляли, после дышать, ходить да разговаривать могли?! — возмутился он, защищая честь мундира. Вернее, кафтана.

— Видишь ли, дорогой друг, — начал Всеслав, пододвигая ближе лист бумаги и начиная набрасывать на нём что-то, — в жизни, увы, редко выходит так, чтобы самое прямое и первое пришедшее на ум решение оказалось верным. И ещё реже — выгодным.

Персидские посланники слушали его крайне внимательно, глядя за карандашом, что продолжал плясать над бумагой.

— Здесь и сейчас моей силы не хватит на то, чтобы удержать Византию. Много земли, много людей, много воинов. Захватить Царьград мы можем. Но что нам потом с ним делать? А работа ради работы мне не нравится, Малик-Шах. Смотри сам.

С этими словами он повернул лист так, чтобы написанное было видно сидевшим напротив.

— С одной стороны здесь расходы на покорение империи. Примерные, разумеется. Да, я могу себе их позволить, не влезая в долги и не навлекая на свою державу голод. Не на последнее, в общем, гулять буду. Там же — цена удержания власти за морем. И сроки. С другой же стороны — то самое новое блюдо, о каком и шла речь вчера.

Юный и старый персы склонились над бумагой совершенно одинаково. Ну, разве что Абу чуть ближе, старые глаза, видимо, стали с годами близорукими.

— По моим предположениям, те удары, что получит вскоре империя Романа Диогена, будут достаточными для того, чтобы власть базилевса не только пошатнулась, но и рухнула. Сейчас мои верные тайные друзья и советники работают над тем, чтобы правильно подать

блюдо. Ведь, уважаемый Абу не даст мне соврать, нежнейшие восточные сладости и фрукты, вываленные на стол без порядка или выставленные в корыте для скота, не украсят застолья так, как если бы появились в драгоценных вазах и на подносах в руках красивейших из жён. Верно и обратное — простые кушанья, поданные с умом и изяществом, могут украсить стол лучше, чем дорогие и редкие.

Сельджуки даже не кивали. Подняв головы от записей, они переглядывались с видом, который у людей более низкого происхождения можно было бы назвать полностью ошарашенным, если не обалдевшим вконец.

— По тем же самым предположениям, не позднее середины весны Русь примет послов Византии. Не исключено, что их будет несколько. От династии, что правит сейчас, и от одного-двух кандидатов на её смену. И те, и другие предложат мир. Нам, Малик-Шах, сейчас предстоит обсудить те условия, на каких мы с твоим уважаемым отцом будем готовы милостиво принять предложение, — Чародей поднял золотой кубок с брусничным морсом и отпил. Давая понять, что готов отвечать на вопросы. Которые посыпались от спецпосланника густо, как тот хлебный дождь, что пролили ангелы Господни над Всеславовым полем далёкой страны Альбы.

— Мы с уважаемым Абу преклоняемся перед мудростью и тонким расчётом, с каким ты подошёл к приготовлению этого пира, о Всеслав, — заговорил старый перс после долгой паузы. Перед ней они что-то горячо обсуждали с наследником султана, вертясь на лавке от стола к карте и обратно. Потом тыкали по очереди пальцами в цифры, арабские, кстати, на листе бумаги. Да, начертания их были более привычными мне, чем им, но смысл был ясен.

— Мы пытались найти хоть что-то, в чём можно было бы углядеть подвох или ошибку. Нам не удалось. Кроме, пожалуй, самого начала. Но твои слова звучат уверенно и твёрдо, как алмазы чистой воды. Нам остаётся лишь принять на веру то, что ты говоришь об ужасах, ожидающих три поименованных города, — медленно проговорил старик. — Хотя я бы предложил нанести удар по Анхиалу, соляной столице Византии.

— Я думал об этом, уважаемый Абу, — согласно кивнул Всеслав. — Но всё же принял решение остановиться на Деултуме. Позволь, я объясню подробнее.

Перевод ещё не успел закончиться, а старик и Львёнок уже кивали головами совершенно одинаково, с выражениями острейшей заинтересованности на лицах.

— В прошлом и позапрошлом году моими основными противниками были Римский Престол и Германская империя. Для ударов по ним я избрал тактику причинения, так скажем, наибольшего ощутимого урона. Лишить их золота означает напугать и заставить допускать ошибки, одну за другой. Мы с друзьями назвали это "пнуть по мошне". С ними эта тактика вполне оправдала себя, — начал объяснять князь. А Вар за его спиной улыбался совершенно по-Рысьиному.

— Анхиал — хорошая цель, тут спору нет. Там соляные копи, крупнейшие в Византии. Там старинный императорский дворец, бани-термы с роскошными мозаиками лучших мастеров прошлого. Там, в конце концов, большой водовод-акведук, разрушив который можно сделать город на полуострове непригодным для жизни на несколько лет. Этот удар будет страшным и его по достоинству оценят вельможи, купцы и политики. Но не император. В его понимании, а ведь он по-прежнему больше воин, чем правитель, это будет скорее грабёж. А вот Деултум — другое дело. Наши ратники сожгут склады с доспехами и припасами для его войск, оставив их голыми и голодными. Они зайдут в святая святых — место, где присягают ему на верность новобранцы — и вынесут оттуда хоругви и знамёна, знаки воинской славы и доблести. Они разнесут на куски императорские бани, давая понять, что от гнева Руси не скрыться никому и нигде. Мы придём куда угодно быстрее ветра. Мы поселим там хаос и ужас. И уйдём невредимыми, оставив позади пепелища.

Я и сам не заметил, как мы начали говорить с великим князем хором. Но это отчётливо заметили персы. И этот голос, так испугавший в первый раз старика, поразил и сына султана. Голос, в котором не было ни угрозы, ни сомнения, ни рисовки или хвастовства. Голос, которым, пожалуй, вполне могли бы говорить само Вечное Пламя их земель или Вечное Синее Небо соседей. Предупреждая о грядущем. Но не суля возможности хоть как-то, хоть чудом избежать его.

— И когда в один день империя лишится почти всех своих кораблей, древних знамён, оружия и доспехов, когда падут дворцы, рухнут символы власти и давних побед, когда у них не останется за душой ни капли их «греческого огня», вот тогда и задумаются ромеи. О том, что притворное крещение Владимирово в прошлом, как и купель, где оно совершалось. Что земли болгар свободны от их власти, а память о той победе разбита на куски и валяется в пыли под ногами. Что их лучшее оружие, секрет их господства на море и на суше, обернулось против них. А Бог отвернулся вовсе.

Пожалуй, я бы не удивился, если бы персидские послы размашисто, истово перекрестились и бухнулись на колени. То пророчество, что прозвучало из уст Чародея нашими с ним голосами, могло сподвигнуть и не к такому. Вар, так и стоявший за спиной, крепко прижав к сердцу кулак, смотрел на великого князя великой Руси горящими глазами. Горящими почти таким же жёлто-оранжевым пламенем, как и у самого Всеслава Полоцкого.

Глава 5. Морская прогулка и вести из дома

— Всё, кончились гады, Слав! Последнего догнали, едва не убёг, паскуда! На лыжах, представляешь? Прямо по льду маханул! — Рысь говорил возбуждённо, отрывисто. Воевода вряд ли спал последние пару суток, ему было простительно.

— Жить захочешь — и лыжи освоишь. Летать бы не выучились с перепугу, — кивнул князь, давая понять, что главное понял: Олешье освобождено от лишних людей, подготовка и выход на маршруты пройдут без чужих глаз. Хотя, это было, скорее, перестраховкой. К чужим глазам, для того, чтобы успеть предупредить византийские города, доживавшие в покое и достатке последние дни, должны были прилагаться крылья. Или наши буераки. Ни того, ни другого у ромеев нет и не было. И делиться мы тоже не планировали. К стоянкам саночек не пускали даже Байгаровых.

— Летать — это попозже чуть. Ох, дай мне Боги до того Одессоса добраться! Там столько народу летать научиться — ахнуть! — осканился Гнат.

— Ты не лютуй особо там. А то знаю я тебя, только дай волю — потом ни костей не соберёшь, ни даже спросить не у кого, — улыбнулся Всеслав, в шутку погрозив другу пальцем.

Шарукан с Сырчаном и Малик-Шах с Абу, сидевшие рядом, тоже изобразили улыбки. Но явно из вежливости. Степной Волк видел курган на Александровой пади, ещё до того, как его привели в порядок, навалив сверху достаточное количество земли, чтобы перестали торчать из-под неё дурно пахшие воспоминания о последнем походе латинян на Русь. Сын хана видел яркие результаты насквозь мирных добрососедских переговоров русов с булгарами. И обломки минаретов. Персы, кажется, вполне прониклись и без демонстраций, поверив на слово. Вернее, на много слов.

Они говорили с югославами, с венецианцами, со степняками. И все как один подтверждали им невероятные, ужасающие, но ошеломительно эффективные детали побед русов. Не только на своей земле. Рассказы Николо Контарини о том, как меньше, чем за половину дня, пришёл в глубокий упадок один из богатейших родов в Нижних землях, краях фризов, почему-то запомнились особенно ярко. Наверное, потому, что тщательно скрываемое опасение уважаемого вельможи Светлейшей Республики, человека, сильнее многих искушённого в переговорах, дипломатии, торговле, а, значит, и во владении собой, утаить ему не удавалось. Посланник и родич великого тридцатого дожа Венеции не просто опасался русских. Он боялся их отчаянно. И уповал лишь на то, что князь-оборотень и вправду держал *любое* данное им слово крепко. Для того, чтобы Большой Совет отказался от обсуждения задумок об обмане Чародея и начале тайной торговли зерном с Византией, Николо пришлось задействовать все свои авторитет и мастерство. Ему удалось убедить Малый Совет и Совет Десяти. И несколько особенно настойчивых аристократов, потомков древних, великих и богатых родов, покинули высший орган управления Республикой. И мир живых. Оставшимся стало проще принять позицию неведомого далёкого правителя страны Рус. Такие поступки, наверное, не красили власть имущих. Но братья Контарини, как и всё их большое семейство, понимали вполне отчётливо: нарушь они данное Чародею слово — и за их жизни никто не даст ни единого денаро*.

* *Денаро* — итальянская средневековая разменная монета.

— Я-то ладно! Вот дедко Ставр, тот — да. Вот уж кто лютый, сам его боюсь! Знаешь, сколько он припаса огненного с собой берёт? — Гнат начал было переводить стрелки, но понял, что увлёкся почти до разглашения гос.тайны. И исправился тут же, — Много! Ты скажи ему, Слав! А то он своими былыми заслугами и живым Гарасимом сторожей лабазных до икоты

перепугал, они чуть всё не вывалили. А ведь не одному ему охота стрельнуть-бабахнуть, я тоже хочу! Да и ты вряд ли думал к Хероснесу порожняком катить.

Но к разговору о том, что старый воин озаботился снабжением операции лучше прочих, приступить не удалось. Распахнулись бесшумно высокие двери, показав за собой смутные тени Титовых, и в зал влетел Алесь, старшина конной сотни, давно уже переставшей быть сотней, и главный по дальней связи.

— Едут, княже! Едут! Поспевают к завтраму, точно поспевают! Хохлатый с Переяславля примчал только что! — зачастил он, не обращая ни малейшего внимания на насторожившихся совещателей. Сыновья хана и султана едва не вскочили, завидев возбуждённого воина, голосившего на бегу.

Рысь зашипел, втягивая воздух сквозь крепко сжатые зубы. Явно для того, чтобы на выдохе и с открытым ртом не нарушить высокой атмосферы, свойственной для беседы важных правителей и посланников дальних земель. Лицо же его крайне внятно сообщало начальнику транспортного цеха и командиру мотострелков что-то сугубо непечатное. Алесь увидел наконец воеводу и замер, как вкопанный.

— Разреши доложить, батюшка-князь, — выпалил он почти без паузы. И добавил неуверенно, глянув на Гната и сглотнув, — Виноват.

На этот пассаж Рысь глубоко и долго выдохнул, издав что-то похожее на "ху-у-у-у". Но, к счастью, выдержка его не подвела — целиком фразу он не произнёс.

Исключая лишние детали, неизменные в докладе Алеся, касавшиеся кличек голубей, силы ветра, примет и ещё Бог знает чего, выделить удалось следующее. В ночь или к утру должны были добраться до Олешья мчавшие от Полоцка грузовые буеры. Шёлковая ленточка, прилагавшаяся к устному донесению, добавляла конкретики и оптимизма. Князь с воеводой, только что головами не стучаясь, изучили её трижды. И посмотрели друг на друга со счастливыми улыбками, так не похожими на привычные волчьи оскалы последних дней. Родной город помогал Всеславу, как и прежде.

Ранним утром, когда край неба над левым берегом Днепра ещё не начал розоветь, первые пять десятков буераков отправились к самой дальней цели, Деултуму, "Городу Легионов". Восседавший в штабных саночках Ставр выглядел так, будто помолодел лет на тридцать, не меньше. Возможно, конечно, так казалось из-за толстого слоя гусяного жира на лице, который украшал каждого из походников. Но глаза безногого старого убийцы горели вполне себе помолодому.

— Ты не шали там, дедко. Ну, или не увлекайся, хотя бы. А то выйдет, как в Новгороде тогда, — с улыбкой напутствовал диверсанта Чародей.

— А то, скажи, плохо в Новгороде вышло? — дед ухарски подкрутил ус. Предвкушение хорошей гадости врагу явно существенно улучшало ему характер, обычно довольно склочный.

— Отлично всё вышло, грех жаловаться. Но увлекаться всё равно не давай никому из своих. Задача у тебя важная, трудная, опасная, как и вся жизнь твоя, Ставр Черниговский, — торжественно, чуть громче произнёс Всеслав, глядя краем глаза за тем, как расцветали лица экипажей остальных саночек. — Ни единого князя ты за неё не подвёл, нечего и с меня начинать. Но крепче прочих помни приказ мой главный. Сам живым вернись и ратников мне живыми верни! Понял ли?

— Понял, княже! По-твоему будет! — ударил кулаком в грудь ветеран. И звук, раздавшийся при этом, его не особо крупной фигуре соответствовал слабо. Гул аж пошёл надо льдом Днепровским. Вот она, старая школа.

— Мир по дороге, братцы! — великий князь и воевода отвесили двум сотням нетопырей и стрелков поясной поклон. Те, сидевшие в транспорте, только склонили головы.

Ставр гикнул резко, будто коня погоняя — и над лодочками-саночками хлопнули натянувшиеся паруса. Через десяток-другой ударов сердца скрип снега и скрежет льда под полозьями был уже не слышен. Из видимости буераки пропали ещё раньше.

— Тебе, друже, и говорить ничего не стану. Тебя учить — как против ветра плеваться. Помни, братка, тот же приказ, с каким Ставра провожали: чтобы всем живыми вернуться! — в следующее утро, такое же раннее, что и утром-то не назвать, от Олешья уходила по Днепру вторая группа.

— Сделаю, княже! Твоими словами да Божьей волей! — Гнат гулко ударил кулаком по груди. Кому другому так стукни — мог бы и сердце остановить, пожалуй.

Воевода стоял в полный рост, единственный из двух сотен злодеев, что под его чутким руководством отправлялись вдоль побережья туда, где в моём времени будет болгарская Варна.

— Мир по дороге! — на этот раз вместе со Всеславом поклонился уходившим на задание Вар.

Рысь свистнул лихо, так, что, казалось, парусá распахнулись сами от резкого звука, ударившего по ушам. Но вперёд саночки скакнули совершенно так же, как вчера под Ставровыми. И улетели вниз по руслу как бы не быстрее их.

— Дорогой друг, я должен спросить тебя ещё раз, последний и прилюдно: доброй ли волей ты отправляешься в поход со мной и моими ратниками к богатой, защищённой и хорошо укреплённой крепости ромеев? — Чародей смотрел на Львёнка, точно зная его ответ.

— Да, Всеслав! — ответил сын султана. По-русски. Он не терял зря времени эти три дня и две ночи. Молодым вообще удаётся очень многое успевать, узнавать и запоминать. Особенно, если это молодые наследники великих правителей, воспитанные не изнеженными и капризными, а настоящими воинами и будущими вождями.

— Добро. Мы ещё пару раз успеем пробежаться по нашей задумке. Вряд ли придумаем что-то новое, конечно. И тебе наверняка надоело это ещё вчера. Но наше дело сейчас воинское, Малик-Шах, а в нём много учения не бывает. Бывает мало. И ведёт это к гибели. А я не хочу везти тебя к отцу в домовине.

— Ты прав. Повторим, — отозвался юноша, дослушав перевод хмурого Абу. Отозвался тоже по-русски.

Если бы достопочтенные отец и мать Малик-Шаха видели эти тренировки, на светлое будущее добрососедстве Руси и Сельджукского султаната, вероятно, можно было бы и не надеяться. Но юный сын Смелого Льва Алп-Арслана не позволил себе и намёка на недовольство. Потому что сам лучше многих понимал, что и зачем делали и князь русов, и его жуткие воины, умевшие пропадать и появляться на ровном месте белым днём. На которых вполне уважительно смотрели и жуткие чернобородые персы его личной охраны, одинаково похожие на гордых орлов, неутомимых коней и хищных пардусов-барсов-леопардов.

Заблажила сойка. Львёнок рухнул, как подкошенный, на дно буера, выхватив из крепления самострел и взвёл тетиву, не поднимая головы над бортами.

Тит, сидевший на носу, покрутил над головой кулаком и резко выкинул руку вправо. Малик-Шах еле заметно поднялся над краем плетёного щита саночек, глядя вдоль самострельного болта точно туда, куда указывала ладонь нетопыря. И выстрелил. Болт со звоном сорвался с ложа и пробил правый глаз, нарисованный углём на мишени, что поднималась и опускалась, когда один из Титовых тянул верёвку. Сегодня наследник султана не промахивался ни разу. Видимо, правду говорят, что сыновьям правителей на роду написано усваивать науки и навыки лучше прочих. В этом времени, по крайней мере, это работало именно так. Хоть и появлялись

уже кое-где некоторые подобия той самой "золотой молодёжи", для которой деньги и могущество рода заменяли необходимость хоть что-то представлять из самих себя.

— Добро. Отличный выстрел! — протянул руку Всеслав, помогая юноше подняться. Улыбаясь открыто, светло. Точно так же, как и Малик-Шах ему самому.

Не успел Львёнок выпрямиться, как снова заорала сойка. И он тут же рухнул на дно буерака.

Зима выдалась суровая, а для этих благостных мест и вовсе небывалая. К концу февраля, который тут звали кто сеченем, кто лютенем или просто лютым, морозы ослабевать и не думали. Год выдался таким, какого старожилы не помнили. И молва народная, как ей и свойственно, «переобувалась на лету», как мой младший сын говорил. Сперва всё кары Божьей ждали, дескать, прогневались за что-то Высшие силы на славян, наказывают их холодом смертным. А теперь уже пели на все голоса о том, что Чародей сговорился с самими Карачуном и Марой-Марьяной, чтоб по льду они саночкам его летучим выстелили путь-дорожку аж до самого Царьграда, наказать гадов ромейских, что Владимир-князю и бабке его, Волчице Псковской, золотом разум затуманили. К байкам этим на торгах да постоянных дворах великий князь отношение имел самое малое. Он только намекнул Ставру. Дальше безногий справился сам и как всегда безупречно.

Венецианские купцы и шпионы, как и Абу с Малик-Шахом, как Георгий, Михаил и Петр, тоже припомнить такой зимы за последние пару-тройку сотен лет навскидку не смогли, ни по своим жизням, ни по записям и преданиям своих краёв. И все сходились на том, что не имели ни малейшего представления о том, как удавалось Чародею русов договариваться с Богами. Но сомнений в том, что он *смог* это сделать тоже не возникало ни у кого.

Полоцк, приславший так вовремя припаса огненного и не только, от мороза не страдал. В тех краях и суровее зимы бывали. Но княжичи, Глеб и Роман, впервые озаботились тем, чтобы по рекам ходили хоть пару раз за день упряжки санные с тёплой едой и горячим питьём, а древляне ещё после Рождества Христова разослали по городам и весям дров в избытке. За княжий счёт, разумеется. Народу спасли, кого вьюга-метель прихватила в пути, сани изломались или лошади пали, не считано. Ну, то есть наверняка считано — Глеб же руку приложил, а у него строго с этим.

А ещё пришли с парой Лютовых нетопырей из родного стольного города крайне интересные новости. Кстати, и пара та тоже была непростая. Те самые Корбут с Лявоном, отличившиеся в первые дни вокняжения Всеславова в Киеве, и не раз отметившиеся после этого в самых разных местах за кордоном, от враждебной тогда Швеции до нейтральной Венгрии. Но всякий раз работавших против настоящих врагов. И за Русь. Тогда, долгих полтора года назад, ратники ходили в Давмонтовом десятке. После перешли в Лютов. Хотя каждому из них не зазорно было бы самому водить сотню. У Люта других и не бывало.

Оказалось, что мысль про сотни, какие в пору было бы водить этим двоим, была вполне себе пророческой.

Помнится, ещё в Кабуле, в нечастых беседах с Павлом Петровичем, непростым полковником, удивлялся я тому, что сотрудники его и «смежных» служб, тоже очень непростых, большое значение придавали вещам необъяснимым, метафизическим. Например, везению и удаче. Как выяснилось, корни этого явления уходили в глубокое прошлое даже отсюда, из этого времени, о котором в том моём прошлом будущем правды сохранилось до обидного мало.

Выступления, крайне показательные, надо признать, этих воинов на чужой земле будто стали какими-то флажками в их «личных делах», которых, понятное дело, в привычном мне виде здесь никто не вёл и не собирался, наверное. Тут у людей, особенно занятых на ответ-

ственной работе, память была крепкая. Поэтому, наверное, при подготовке новых каверз и диверсий в первую очередь рассматривали они кандидатуры тех, кто показал себя с лучшей стороны прежде. Лявон и Корбут здесь всегда были в первой десятке. Поэтому когда стали думать о том, кому бы посетить империю Генриха и облегчить императору жизнь, чтоб не маялся, болезный, вопросами, вроде «куда бы пристроить гору золота во вред Руси?», выбор предсказуемо пал на этих двоих. И они в очередной раз не подвели.

Примерные наброски, «черновичок» операции набрасывали Всеслав с Рысью ещё на пути домой из Юрьева-Русского осенью. Вдоволь наслушавшись историй от торгового и простого народа о том, как по-немецки методично и настойчиво копил денежку для нападения на злобных славян германский император. И как не отказался от своих планов даже после показательных выступлений русских воинов в Гамбурге и Бремене.

Операцию по вербовке Фридриха, слуги покойного ныне Удо, графа Штаденского, как и эвакуацию его семьи на дружественные земли севернее Бремена, планировал и проводил Лявон, от начала до конца, во всех деталях и подробностях. Включая картинки, карандашные эскизы на драгоценной бумаге, где были изображены три дома: один возле площади, второй поближе к порту и третий, стоявший на выселках Юрьева-Северного, который в землях Генриха по старой памяти продолжали упорно именовать Шлезвигом. Один из Лютовых пару раз водил младшую дочку к Лесе-княжне, учиться рисованию, там и сам нахватался, подивившись тому, что учиться и впрямь никогда не поздно. Бывшая Туровская сирота показала, как держать уголёк или дорогой свинцовый карандаш, как примечать линии и углы, под какими уходили к окоёму-горизонту очертание домов и крепостной стены, как лёгкими касаниями-штрихами показывать, где светлая сторона, а где тёмная. Острый глаз, твёрдая рука и профессиональная память розмысла-разведчика помогли в новом непривычном деле. Портреты у него не получились, зато в пейзажах, а особенно в изображении городских сцен, он был очень хорош. Это здорово выручало по службе. Хоть сначала и пугало. Когда в том же Бремене группа высадилась под видом экипажа торговой лодьи, все замерли, разинув рты. Увидев своими глазами в точности то, что на инструктаже-наказе было нарисовано на большом куске холста: причалы, стену, ворота, своды собора за ними.

— Во Федька даёт! Один в один же! — восхищённо прошептал один из них.

— Руихь*, — прошипел тогда Лявон, чтобы не раскрывать группу дальше.

* *Ruhig* - (нем.) тихо, спокойно.

Но пользу от картинок Федьки, Алексева сына, с той поры признали все. Признал её и Фридрих, старый слуга графа. Он до последней минуты не верил в то, что за сделанное им дикие русы рассчитаются тем, чем было обещано. Их главный, велевший звать себя Леоном, положил тогда на доски стола виртхауса, трактира, три картины, три разных дома.

— Выбери тот, где ты будешь жить со своей семьёй, — спросил Леон у графского камердинера. По выговору его можно было определить южанином, возможно, венгром или болгаринном. Но точно не русом.

Фридрих тогда думал долго. Он тянул из большой кружки пиво и вслушивался в трактирный гомон и гул. Он очень боялся. Но выбрал дом между лесом и бухтой Шлей.

А когда увидел его своими глазами, стоило утреннему туману чуть разойтись над осенней тёмной водой — вытащил из-за пазухи кожаную трубку, достал и бережно развернул рисунок, сравнивая и не находя отличий. Упал на колени на дно лодьи и заплакал. Как и вся его семья. Они до последнего не верили, что русы не обманут. Хоть и слышали о том, что эти не лгут никогда. Им не позволяют древняя Правда и Честь. И наказ их вождя, самог жуткого Чародея. При упоминании которого глаза любого из русских загорались какой-то светлой верой, надеждой и благодарностью.

Глава 6. Волчья внешняя политика

В Гамбурге же тогда отметилась группа Корбута. Идея того, чтобы так оригинально украсить, нарядить даже, створки ворот кафедрального собора в два куска пробста-настоятеля, отца Либентия, принадлежала ему самому. Художников-рисовальщиков у него в отряде не было, вот и пришлось импровизировать без переноса городских пейзажей на бумагу. С натурой, так скажем, работать. Но вышло вполне убедительно. А уж княжий знак да волчий след из Гнатовых любой нарисовал бы и с закрытыми глазами.

Закрепляя и развивая успехи наших нелегалов, Ставр и финальную пакость для императора планировал с учётом этих двоих. И те слова, что вырвались у Всеслава при первой встрече с персидским спецпосланником, о том, что со стороны Генриха было крайне любезным стянуть так много золота ближе к нашим границам, были сказаны с прицелом на будущее. На близкое будущее. И на всякий случай — без конкретики, к каким именно рубежам Руси тянулись германские золотые ручейки и речки.

В том плане наглым было абсолютно всё. От времени на подготовку и планирование до ожидаемого ущерба для империи. Даже не вдаваясь в детали очень глубоко, Всеслав, занятый кучей других дел, понимал: после такого щелчка по носу Генриху будет тяжело встать на ноги. Души у нас всегда были широкими, силы в одном теле хватало на двоих, а людей верных и знающих с каждым днём становилось всё больше. Поэтому щёлкнуть мы могли — будьте любезны. Так и вышло.

Абу был бы крайне удивлён, узнав, что точки сбора золота, которые Чародей назвал ближними к русским границам, располагались в Майнце, где Майн впадал в Рейн, и Регенсбурге, где в Дунай на северном изгибе впадал Рёген. Или Рёген, как его звали раньше. Река, бравшая начало в дебрях Богемского леса на землях чехов, одна из тех стародавних дорог, по каким давным-давно расселялись с севера и востока люди славянского племени на юг и запад. Буривой говорил, что на месте Регенсбурга стояло раньше поселение не то Ратибóрово, не то Радаббóрово. И жившие там люди баварцами себя не называли. Потом, много позже, были кельты, римляне, маркоманы. С тех пор утекло много воды. По тем самым рекам, которым было и оставалось совершенно всё равно, как называли и называют их суетливые двуногие на суше по обоим берегам.

Эти два города, Майнц и Регенсбург, были не на границе с Русью. Они и от Чехии с Польшей были не близко. Но об этом великий князь не упомянул.

В изложении Лявона, в Майнце было скучно и быстро, никто толком ничего и понять не успел. В полночь разнёсся над богатым городом хриплый волчий вой. Стража, до боли вглядывавшаяся в непроглядную тьму, ослепла разом, когда над их головами с грохотом лопнуло небо. И обрушило на землю пламя, сопровождая огненный дождь ужасавшим свистом и бесовским хохотом. Но за звуками взрывов они скоро уже перестали различаться.

Основных целей было три: дворец архиепископа, имперское казначейство и городской собор. Как скучно доложил Лявон, цели были отработаны согласно приказа. Собор, может, лет через пяток и починят. Дворцу на ремонт не меньше десяти годков понадобится, если деньги будут. Но их не будет. Потому что вместо казны Генриховой осталась там больша-а-ая яма. Как говорил мой старший сын: «если деньги мерить кучками, то у меня — ямка». Вот и императору досталась его собственная ямка. Зато большая.

Полыхавший город был занят чем угодно, кроме преследования. И кого там ловить? Чёрные тени, которых не брали стрелы? Которые проходили рядом с оружными и доспешными стражами, и те падали наземь мёртвыми, и ещё очень удачно, если не разваливались на куски?

А после того, как, охнув, осели один за другим три городских моста, стало совершенно ясно: тут и по чистой воде никого никто бы не догнал. Тем более сейчас, когда в ней среди льдин дымились сотни пудов камня, который соединял раньше берега рек, а теперь намертво блокировал подходы любых лодий, кроме самых мелких плоскодонок.

Кто-то божился, что по льду вверх по Рейну улетали с небывалой скоростью не то лодки, не то сани под странными угловатыми парусами. Правда, эти очевидцы уверяли, что поднимались те паруса прямиком на небо, где встречал их с улыбкой древний Бог грозы. Им не верили. А следы буеров по льду затянуло снегом, что зарядил под утро.

Буераки поднялись выше, перегрузились, разобрались на запчасти и разъехались в разные стороны, превратившись из транспортных средств в груз. Скучно и уныло лежавший рядом с залитыми смолой бочками, в которых, судя по запаху, была солёная рыба. А на самом деле — императорская казна, хранившаяся в Майнце.

Огромный чёрный след волчьей лапы на развалинах дворца заметили, едва чуть расплелось. Тогда же обнаружили и знак Всеславов на уцелевшей стене собора. И щит с тем же знаком, прибитый над восточными воротами. Створки которых превратились в щепки и золу. Жители, испуганно озираясь, шептались о том, что в бедных кварталах никого не пожгло и не зашибло. Гнев Божий прошёлся по церковникам, торговцам и ратникам, спалив склады и причалы. Ну, и по императору, конечно. Ещё как. Торговцы выли и рвали на себе последние волосы, считая убытки. Святые отцы стенали и молились на развалинах. В том, что империя бережёт жизни и имущество своих подданных, уверенности не было ни у кого. Как и в том, что и где сгорит или взорвётся на следующую ночь. Поползли слухи, что дворец Генриха эту тоже не пережил.

Но это были просто слухи, распространяемые напуганными жителями Майнца. Резиденция императора стояла, как и прежде. А вот в далёком Регенсбурге в ту чёрную для германской римской империи ночь поменялось многое, включая ландшафт.

Корбут прибыл в город с первой группой, в которую помимо него и ещё девяти нетопырей входило лицо довольно неожиданное. Морда даже. Здоровенная черноглазая тёмная лысая личность с перебитым носом, которую наши уже давно перестали пробовать называть «Лысым» или «Эй ты!». Моисей, наш англо-иудейский шпион, после той истории на лодье крепко сдружился со Стёпкой и многими другими ребятами, и вполне привык отзываться на «Мишку». А Маланья, нынешняя полоцкая зав столовой, звала его нежно, Мишаней.

Мишаня в грязной рванине прошёлся по торговым рядам и вернулся к ожидавшему в тёмном закутке Корбуту в сопровождении троих граждан, вид имевших весьма тревожный. Как можно было сочетать национальные черты с образами лютых душегубов, он объяснить не смог, но мы и не спрашивали особо. Его интуиция, как и удачливость, ни у кого сомнений не вызывали с той самой поры, когда одна единственная его случайная пьянка в богатом кабаке Эстергома обернулась внешнеполитической победой. Когда на другой день после ужина с Данькой-медведем он обедал с королём Венгрии.

Через тех троих, выглядевших опасными и сильными, ушло послание Всеслава к тем, о ком знали считанные единицы. К тем, кто формировал и контролировал финансовые потоки на правом берегу Рейна, от Альп на юге, до того места, где река разливалась на множество рукавов, крупнейший из которых фризы называли Ваалом. В Регенсбурге жило и трудилось много, очень много Мишаниных соплеменников. И многим из них, как признавался Ставр Абрам, «было сильно нехорошо от того, шо какой-то поц-император мешает делать свой скромный гешефт уважаемым людям, каким был должен много золота ещё его прадедушка, старый жулик».

Послание, предварённое сбором сведений и проработкой нескольких вариантов, было лаконичным. Великий князь Полоцкий и Всея Руси Всеслав Брючиславич имеет сказать следующее: со дня на день тут станет жарко и громко. Очень жарко и очень громко. Если кто не понял с первого раза, то второй раз понимать будет уже некому. У вас есть долговые расписки Генриха. У меня есть те, кто успеет доставить вас, ваши семьи и нужный груз на выбор в Люблин, Краков, Эстергом или Полоцк-Задунайский. Расписки готов у вас купить, но по номиналу, без страховой премии. Где находится Полоцк-Задунайский, расскажет мой сотник Корбут. Что такое страховая премия, и чем именно это наверняка будет вам очень интересно, расскажет княжич Глеб Всеславьевич, о котором вы наверняка слышали. На раздумья два дня, время пошло. Кто расскажет Генриху — сам виноват.

Видимо, то реноме, которое имел Чародей в деловых и политических кругах даже на таком расстоянии от родных земель, помогло очень уважаемым людям сделать себе выводы с удивившей их самих скоростью. Две семьи выбрали Краков, три — Эстергом, ещё три — дальний дивный город на границе с богатой Византией. Люблин не выбрали — далеко и холодно. Народ, принимавший участие в очередном Исходе, организованном, не сказать — спровоцированном Всеславом Полоцким, был в массе своей пожилой, степенный, обременённый помимо возраста ещё и кучей болячек, свойственных ему. А ещё массой очень разной информации, за которую они наверняка ожидали получить прилично золота. И это не считая толпы мужиков, баб и детей всех возрастов. Но, отдать должное, дисциплина была на уровне: ни хая, на гвалта, ни прочего шухера-гармидера никто не поднимал.

И когда баварцы проснулись, потянулись и пошли обычным утром по своим баварским делам, то очень удивились, не найдя на своих местах ни привычных менял, ни шустрых мальчишек-посыльных, на знакомых с детства лавок на торгу. Нет, сами лавки были. В некоторых даже сидели приказчики из местных. Но вот о том, куда делись все до единого иудеи из города за одну ночь — не знали даже они. Поползли слухи о том, что дело явно нечисто, и без колдовства точно не обошлось. К вечеру Регенсбург был встревожен и очень напряжён, от наместника императора с епископом, что заперлись во дворце, до последнего водовоза. Они, водовозы, кстати, напугались самыми первыми.

Огромный мост, гордость и стратегическое преимущество города, рухнул. Грянул майский гром, такой неожиданный в феврале, и веселье покатило по улицам. Но не сразу. Сперва отработали миномёты и снайперы. Епископский дворец рухнул, похоронив светскую и духовную власть в общей братской могиле. Собор устоял, но из двух пятнадцатиметровых башен, красивых и величественных осталась только одна. Ну, почти вся. Под прикрытием стрелков сперва из собора, потом из городской казны, а почти под утро и из тайных подвалов-казематов крепости вытащили всё золото и серебро. Много. Очень. Старый иудей, прежде чем отъехать на ПМЖ на Адриатическое побережье, раскрыл Корбуту секрет того, что именно таили неприметные каморки глубоко под крепостными валами. И, вновь удивив себя самогó, сделал это совершенно бесплатно, не выторговав ничего взамен. Опыт прожитых лет словно орал ему в оба глухих уха: *Изя, с этими не до гешефта! Живым бы вырваться!*

Удивив и этих репатриантов-релокантов, русские воины сопроводили их до дивных саней под парусами, в которых ждали другие русские воины. Они и доставили такую тьму народу до выбранных старейшинами городов. Где помогли разгрузиться и поселиться в не таких богатых, как прежние, но вполне уютных и безопасных домиках трети русские воины. В Чехии, Венгрии и на берегу тёплого далёкого моря, за которым таился в дымке Вечный город Рим. Таился и дрожал.

Конечно, всё золото переть домой никто и не думал, основную массу припрятали, передали с датскими, франкскими и венгерскими торговцами, часть оставили в попутных хутор-

ках-крепостицах, вроде Ставрогнатово. В плане первым приоритетом по-прежнему значилось вернуться живыми, сохранив как можно больше мирного населения. Да, германского. Но мирного. И это тоже сыграло неожиданно на руку: в слухах, что не просто ползли по империи, а маршировали по ней стадами бешеных слонов, в этих краях сроду не виданных, отмечалось отдельно то, что русский Чародей и его демоны не воюют с простым людом. Они, в отличие от имперских, не вешали, не пороли кнутами, не били палками и не забирали последние гроши. И эти новости должны были со временем ударить по Генриху сильнее, чем известия о нападениях на Майнц и Регенсбург. Хотя тяжело было даже представить, *что* могло быть оказаться ещё хуже.

Из собираемого второй год золота у императора осталось меньше четверти. Свидетельства о долгах династии Салиев, хранимые богоизбранным народом десятилетиями, оказались утеряны. И даже думать было больно о том, *кем* они могли бы быть найдены. После пожаров на складах гарнизоны остались без брони и припаса, а торговцы — практически без штанов. Народ уходил из больших городов. Всех, не только тех, что подверглись нападениям. Многие тайком пробирались на восток, к ляхам и чехам, на север, к ваграм и датчанам. Князья, герцоги и графы отказывались приезжать на съезды. Ну а как тут не бояться, если враг умеет лить с неба огонь, рушить соборы и мосты, поджигать с четырёх сторон города быстрее, чем умелый арбалетчик успеет выстрелить трижды! Положение императора оказалось незавидным, если уж честно не сказать — плачевным.

Предпоследняя новость из Полоцка была от Глеба. Фризы собрали золото. Собрали и передали с дежурившими в их бухтах руянскими драккарами. И поклялись до лета вернуть на Русь всех, кого продали, и кто готов был воротиться домой по зову князя-оборотня. Глеб сообщал, что приготовил три пути, какими можно было включить фризов в нашу торговую систему. Но выбрать один будет только с отцом лично. И желал Божьей помощи.

Последней новостью был листочек, размером с привычный мне тетрадный, на котором были обведены красным карандашом крошечные ступня и ладошка. А внизу стояла приписка: "Возвращайся с победой, сокол ясный!". От знакомого почерка потеплело на сердце у Всеслава. От картинок зашипало в глазах у меня. Точно такие же присылала в Кабул мама. Старший сын тогда жил в Союзе с ней. Мы с женой выполняли интернациональный долг. Она после каждого такого письма плакала всю ночь.

— Много, говоришь, добра у Генриха утянули? — спросил великий князь Корбута, откладывая листы. Перевернув лицом вниз, потому что от последнего я не мог отвести взгляда.

— Откуда у них, дикарей закатных, добро, княже? — развёл руками нелегальный разведчик. — Золото одно на уме. А теперь, я так мыслю, ни ума, ни золота.

— Верно мыслишь. С умом-то и прежде было негусто, а нынче, знать, и вовсе как отрезало, — задумчиво проговорил Всеслав. — Что ещё из важного поведаешь?

— От Свеновых да Фоминых подарочки попробовали, знатные! Как и додумались они только одно железо в другое пихать?

Видно было, что подробностей технологического решения наши чудо-кузнецы и металлурги не раскрывали даже знакомым. А вот о том, откуда у них взялась мысль, как переставить буераки на колёса и сделать так, чтобы вся эта городьба могла ездить, не ломаясь на каждой кочке и первом повороте, Чародей знал прекрасно. От меня. Поэтому и оси были стальными, а не деревянными, и втулки колёсные со стальными вкладышами, и сами колёса красовались блестящими железными спицами, что сливались в серые круги на скорости.

— И быстро, говоришь, катят те подарочки? — заинтересованно уточнил великий князь.

— Ну, с коньками-то не сравнить, понятное дело, но по ровной дороге даже на лёгком ветерке выходит быстрее, чем на тройке, — уверенно ответил Корбут. — А ведь их ни поить, ни

кормить не надо, отдыха не требуют, пока кормчие-водители не устанут. И чин-набор невелик, и дел-то всего: колпак снял, войлочный бублик вынул, жиром залил — и едь себе дальше!

Да, это было важно, и это со Свенем и Фомой обсуждали дольше всего. Буераки должны были получаться элементарными в обслуживании и неубиваемыми, как нетопыри. Так появлялся хоть какой-то экономический смысл в их массовом производстве. Потратить столько редкой в этом мире и дорогой стали на игрушку могли себе позволить очень немногие. Всеслав мог. Но только потому, что был уверен в том, что это не игрушки. И рейд на Булгар, ставший Великой Казанью, смелые ожидания оправдал полностью. А теперь, имея возможность быстро заменить стойки с полозьями на колёсные, мы могли себе позволить при необходимости воплотить и Гнатову мечту: подкатить с шиком под стены Царьграда и обрадовать ромеев из миномётов. Вот только необходимость та должна была отпасть со дня на день. Если, конечно, не выяснится внезапно, что прибрежный лёд не дотягивался ни до Одессоса, ни до Деултума. И что Ставр с Рысью будут вынуждены работать по другим вариантам. А их оставалось всего два: подойти на расстояние гарантированного поражения на лодках или пешком. И оба они виделись нам со Всеславом сейчас крайне неудачными.

Глава 7. Похерить Херсонес

Волнение выдавать было нельзя. Поэтому Всеслав был собран, сдержан и сух сильнее обычного, гораздо сильнее. Это замечали даже те, кто знал его давно, как те же Вар, Тит или Корбут. И все они прекрасно понимали князя. Именно его волей умчали в ночь войны, без дозора, без разведки, по чистому ледяному полю, где и не спрячешься никак, приди нужда. Ясно, что догнать буераки было не под силу самым резвым жеребцам. Ясно, что долететь до них, шедших далеко от берега, не смогла бы самая меткая стрела. Но легче с того не было. Волей князя войны ушли в ночь, в ту сторону, где из друзей были только ветры, Стрибожьи внуки, да Дед-Солнце. И надежда была вся только на себя самих. А ещё на удачный расчёт и колдовские придумки Чародеевы.

С таким же примерно настроением и в такую же точно ночь выходили из Олешья и мы. Во втором штабном буере сидел собранный и бледноватый, кажется, Малик-Шах. Он ехал там третьим стрелком. Двумя механиками-водителями - двое Титовых, основными стрелками — его личные телохранители, что стреляли вполне по-Яновски. Сам латгал-сотник, по крайней мере, их результатами и скоростью, с какой они освоили подарки, дальнобойные самострелы, остался вполне доволен.

Хотя, нет. Ночь была темнее. Вчера ещё хоть как-то блестел слабый узенький серпик убывающей Луны. Я вспомнил, как давным-давно учила меня мама: если "рога" смотрят направо, и похоже на букву "С" - смерть, то месяц убывает. А если рога влево, и можно, приложив палец или проведя линию мысленно, "дописать" букву до "Р" - рождение, то месяц растёт. Сегодня палец прикладывать было некуда. Новолуние, темень кромешная. Но Всеслав велел считать это добрым предзнаменованием. И мне велел, и себе самому.

Буераки сорвались с места, как застоявшиеся кони. Город остался позади почти сразу же. И началась гонка.

Ветер был удачным, и скорость получилось набрать хорошую. Вышли из устья Днепра и полетели вдоль левого берега, ориентируясь по звёздам и компасу. Да, плававшие в масле кусочки магнитной руды теперь были много у кого из наших. Был и у Всеслава, конечно. Вскоре заметили и огни костров, направившись к ним напрямиком. Заметённый снегом Титов ратник махал руками, указывая обнаруженное и подготовленное позавчера место для перехода. Неширокий, версты три, перешеек перемахнули мигом, пусть и значительно медленнее, чем до этого. А за ним открывался в полной широте своей оперативный простор Русского моря. "Как ты там говорил? Мы вышли в открытое море!" — пропел про себя Чародей. Опасения и озабоченность сменялись азартом и куражом, и я чувствовал совершенно то же самое. И это было неопишимо.

Лёд был по-прежнему крепок. Ясно, что штабные буераки не летели впереди всех сломя голову — головной дозор из самых остроглазых Титовых летел на пределе видимости. Если бы не наши чудо-светильнички, что время от времени моргали впереди, когда с них сдвигали защитные кожухи, можно было бы и заблудиться, пожалуй. Но не вышло. Зато удалось срезать прилично по заливу, не крутясь под самым берегом всё время.

То место, где в моём времени находилась Евпатория, пролетали, когда уже заметно светало. Да, Солнце не вышло ещё даже на треть, но менее красиво от этого вокруг не становилось. Хоть и не за красотой ехали, а на лицах бойцов нет-нет, да и проскакивало восхищение. Да, рассвет на море прекрасен, тут и говорить не о чем. Только не для ромеев, и не сегодня. Им это утро запомнится совершенно иначе. И говорить об этом начал ещё по ночной темноте алое

зареву на западе. Хотя заревом его считали только мы со Всеславом. Остальные опасливо оглядывались, крестясь или шепча обережные наговоры, на то, как само Солнце, кажется, наладилось было вставать не с той стороны, впервые в жизни, впервые в истории. И было успокоились, когда привычно зарозовел край окоёма прямо по курсу. Но напряглись снова, разглядев над закатным берегом Русского моря чёрную дымную колонну, уходившую под самое Вечное Синее Небо. Я попробовал вспомнить формулу, по какой учил в школе физик определять расстояние до объекта. Там было что-то про кривизну земной поверхности и высоту над горизонтом. Вспомнил, наверное, неточно. Потому что получилось, что разглядеть за полтысячи верст хоть что-то можно было лишь в том случае, если это «что-то» высотой километров в пять-семь. Чистый морозный воздух и утренняя прозрачность надо льдом и морем позволяли, вроде бы, верить глазам без опаски: да, ночью там еле различалось зарево, отражавшееся, наверное, в облаках. А сейчас виден дым. Но умом понимать всё равно было тяжело. Это чего ж там так бабахнуло-то, что и здесь видно? Хоть бы живыми вернулись парни, обороните, Боги! Но думать об этом мы со Всеславом друг другу не позволяли. Некогда отвлекать Их. Да и самим есть, чем заняться.

Херсонес — красивый город. Величественный и монументальный дворец стратига с потрясающим, наверняка, видом на море. Могучие скалы, с которых пристально смотрели на воду дозорные башни. Храмы, базилики, здания старинной, римской ещё, постройки. Огромный порт, больше, чем наш в Олешье. Да, пожалуй, наш и в Киеве, на Почайне, поскромнее был. Одних военных кораблей, дромонов этих, на берегу стоявших по зимнему времени, десятка два. Здоровенные, заразы. Красивый город Херсонес. Был.

Флажки на мачтах взметнулись ввысь, и буераки, не сбавляя хода, разошлись широким серпом, как будто месяц упал с небес и катился теперь по льду ко спавшему городу. Думать о том, растущим был тот месяц, или убывающим, нам с князем было некогда. Он успел только отметить, что на волчью пасть наше продвижение тоже было похоже. Я согласился. Месяцем так точно не укусить было, как мы укусили.

По знаку флажков взмыли ввысь, в прозрачно-лазоревою чистоту зимнего неба, три дымных хвоста, различимых едва-едва. А вот облака чёрного дыма, с грохотом распахнувшие над спавшим Херсонесом жуткие мрачные крылья, видны были вполне отчётливо. И нам здесь, и им там. Причём, «им там», это не только просыпавшимся в ужасе ромеям. Но и тем, кто ждал этих знаков вторые сутки.

Прокляв в очередной раз отсутствие привычных часов, я покосился было на левое запястье. И, разумеется, не обнаружил ни их, ни его. Боевую рукавицу и кольчужный рукав Всеславы увидел, а вот зелёного циферблата и прямоугольных стрелок — нет. И «отошёл» на всякий случай подальше, опасаясь помешать великому князю. То, что должно было начаться через десять дюжин ударов сердца, две минуты по-нашему, было вообще не по моему профилю. Как и то, что должно было остаться после. Хоть и было у меня после Кабула опубликовано несколько научных работ по минно-взрывной травме.

Наше правое крыло уже скрежетало стопорами, вгрызаясь в лёд. На высоких стенах началось движение и слышались первые крики. В них было больше недоумения, чем ужаса. Длились они недолго.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.